

Денис Игнашов

MEMENTO FINIS

Волосок Ангела

18+

Денис Игнашов

Memento Finis. Волосок Ангела

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48693971

SelfPub; 2019

Аннотация

Небо – это их потерянный рай, Земля – их тюрьма. Память – это их наказание, срок которого – вечность. А власть – это главная их страсть... Убийство швейцарского юриста в Москве обеспокоило тайных правителей мира. Неприкасаемый статус погибшего в секретной иерархии обязывает ответить на вопрос: что это было? Банальное ограбление, похищение с целью выкупа или попытка нарушить баланс сил? А пока идёт расследование, властители мира готовятся к схватке. Второй роман из серии Memento Finis, продолжение истории, начатой в «Демоне Храма».

Содержание

Денис Игнашов	4
Пролог	5
Эпизод I: Тир 332 до н.э.	7
Часть первая: Три Дороги	20
Глава 1	20
Глава 2	42
Глава 3	60
Глава 4	83
Глава 5	114
Глава 6	130
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Денис Игнашов

Memento Finis: Волосок Ангела

Разве ты не знаешь, сын мой,
как мало надо ума, чтобы управлять миром?

Римский Папа Юлий III

Пролог

Прежде мира людей возник и существовал мир ангелов. Кем они были? Известно, что были они слугами Божьими. Какими они были? Известно, что были они бессмертными существами, с лёгкостью обретающими телесность и с такой же лёгкостью её теряющими. Возникли они до существования добра и зла и сами разделение это вызвали.

Возжелавший стать Богом ангел Утренней звезды Люцифер смутил треть ангелов и возглавил мятеж против своего Господина. В Великой Битве божественные силы во главе с архангелом Михаилом победили бунтовщиков. Те были низвергнуты на Землю и в наказание наделены вечной памятью своего поражения. Так появились демоны — мятежные, неуспокоенные духи зла.

Но, потеряв Небеса, демоны обрели Землю. Кочуя из одной телесной оболочки в другую, вечные изгнанники смущают и разделяют человечество, чтобы подчинять людей и управлять ими. Тоска по потерянному Небу обернулась ненавистью, жажда свободы превратилась во властолюбие, а ложь стала главным оружием. Демоны навсегда были лишены своих настоящих небесных имён, но обрели новые свои многочисленные прозвища. Оставив след в мифологии, людям они стали известны как Вельзевул, Астарот, Молох, Баал, Асмодей, Бельфегор и другие... Впрочем, и это не есть

их лица, а лишь личины, за которыми скрыта тёмная сила, опутавшая род человеческий. Камень Повелителей должен был помочь противоборствовать бесам, подчинить их воли людей, но сила подчинения зла есть совсем не то, что сила добра, и ответственность её приручения может стать невыносимо тяжёлой ношей.

Демоны существуют, и они всегда рядом. Чтобы найти врагов, людям стоит присмотреться в первую очередь к себе и честно оценить те правила игры, по которым они играют на этой планете. В деятельное присутствие на Земле демонов можно верить или не верить, но, как бы ни было, душа должна видеть зло, а разум должен направить человека в борьбе с ним. Это всего лишь надежда, но ею и живёт человек.

Эпизод I: Тир 332 до н.э.

Чтобы заставить людей усомниться в праведной вере Злой Дух наслал на них Искандара, порождение дэвов.

«Проклятый Искандар» (зороастрийская легенда)

Год архонта Никета месяц гекатомбеон

(июль 332 года до н.э.), Тир

Раскалённое солнце медленно катилось за горизонт, скользя своими лучами по широкой водной глади. Наступил долгожданный прохладный вечер, своими сумерками остановивший штурм Тира. Усталые воины Александра Македонского отошли в свой лагерь. Этот день, как и предыдущий, не принёс долгожданной победы. Тир выстоял, но силы его горожан были уже на исходе. Македоняне же успели сделать главное — они закончили строительство мола, который вплотную подошёл к стенам Тира, стоявшего на острове. Под градом стрел, камней и дротиков македоняне сумели достроить мол, на возведение которого ушло долгих семь месяцев. Тиряне с упорством обречённых раз за разом предпринимали всё новые вылазки, стараясь если не разрушить насыпь, то хотя бы остановить её строительство. Но сделать это было уже невозможно. Флот Тира был заперт в гавани кораблями союзников македонского царя, сидонян, а на моле появились осадные орудия врага. Теперь Тир уже вряд ли

что могло спасти.

Семь месяцев назад армия Александра Македонского вошла в Финикию. Слава победителя была столь велика, что почти все города побережья признали его власть без сопротивления. Библ и Сидон покорились македонскому царю. Казалось, Тир тоже готов это сделать без боя. Делегация тирян, вышедшая навстречу Александру хотела оговорить условия признания новой власти, и царь Македонии потребовал права принести жертву в храме Мелькарта-Геракла в черте города. Тиряне отказали ему в этой просьбе, боясь пускать македонских воинов в пределы городской стены. Александр был вне себя от гнева и категорично потребовал сдать город на милость македонского царя. Горожане отклонили предложение о сдаче и приняли решение защищать Тир. Расположенный на скалистом острове и обнесённый мощной стеной город представлялся им неприступным. Глубокий, шириной в четыре стадии, пролив между островом и материком делал невозможным осаду города с использованием стенобитных орудий. Александр это понимал и решил построить мол, который должен был соединить материк и остров. На это ушло семь месяцев...

Антигон вернулся в свою палатку. Слуги помогли снять ему бронзовый панцирь и поножи. Нестерпимо ныло плечо, оно покраснело и распухло — выпущенный неизвестным тирянином камень из пращи оставил свой след. Если бы камень пролетел чуть выше, он мог бы выбить Антигону его

единственный глаз. Другой он потерял одиннадцать лет назад, когда стрела попала ему в голову. Это увечье принесло ему славу и расположение отца Александра, царя Филиппа, — тот тоже был одноглазым. С тех пор Антигона все стали звать Циклоп.

Слуги растирали плечо Антигону лечебной мазью, когда в палатку вошёл Нейрх. Молодой черноволосый мужчина в доспехах снял пыльный шлем и присел на складной стул.

Нейрх не был македонянином, он родился на Крите и был другом детства Александра, войдя в ближний круг царя. Многие знатные македоняне относились к нему с еле скрываемым пренебрежением, но этот молчаливый критянин был одним из немногих, кто знал морское дело в армии Александра, и потому его опыт был бесценен.

— Завтра Тир падёт, — сказал Антигон на удивление равнодушно.

Нейрх кивнул в ответ, не проронив ни слова.

— Ещё один бриллиант в корону нашего Александра, — улыбнулся Антигон.

Нейрх опять кивнул.

— Завтра Тир узнает всю силу гнева нашего царя, — заметил Антигон, осторожно погладив своё больное, покрытое мазью плечо, а затем тщательно вытер испачканные руки о хитон. — А ведь тиряне могли сдать ещё несколько дней назад. Александр ещё раз хотел предложить им достойные условия капитуляции. Зачем они убили наших послов и вы-

бросили их тела в пролив?

— Это не они, — глухо откликнулся Неарх.

Антигон блеснул свои единственным глазом, пронзительно взглянув им на критянина, потом знаком приказал слугам выйти из палатки.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил он настороженно, когда они остались вдвоём.

— Послов Александра убили македоняне, — ответил Неарх.

Антигон выглядел озадаченным.

— И кто это сделал?

Снаружи послышались шаги. Полог палатки откинулся и внутрь вошёл высокий, крепкий голубоглазый мужчина со светлыми волосами.

— Это был я, — сказал он со странным весельем в голосе и остановился у входа.

— Ты что, Лисимах, подслушивал нас?! — гневно бросил Антигон вошедшему.

— Нисколько, — с усмешкой отозвался тот. — Я шёл к тебе и абсолютно случайно услышал ваш с Неархом разговор. — Лисимах посмотрел на критянина, сидевшего в углу.

— Так это ты убил послов? — спросил Антигон.

— Да, я, — совершенно не смущаясь, откровенно признался Лисимах.

Вместо гнева на лице Антигона вдруг изобразилось хмурое недовольство и недоумение. Вероятно, печальная судь-

ба македонских послов, предательски умерщвлённых своим же товарищем, его нисколько не взволновала; Антигон хотел понять причину такого поступка.

— Зачем ты это сделал? — спросил он.

— Тир должен был сдаться, — сказал Лисимах.

— Но ведь этого мы и добивались!

— Александр бы пощадил тирян. А я хочу наказать их.

— За что?

— Они забыли своего бога, они забыли Молоха, — с тихой злостью ответил Лисимах. — Они стали поклоняться образу получеловека, какому-то жалкому Мелькарту и заслужили жестокую кару.

Антигон рассмеялся.

— Ах, вот в чём дело... Уязвлённое самолюбие! — воскликнул он. — Когда ты, наконец, избавишься от этой разрушительной ненависти к человеческому роду? Люди — это наш материал, это слуги нашего мира, без которых невозможна наша власть. Их надо использовать, но не уничтожать. Ты требовал кровавых жертв, мой дорогой Молох, воспитывая покорность ужасом. Но такая покорность немногого стоит, она совершенно не надёжна. Неудивительно, что люди отвернулись от тебя, выбрав своим богом получеловека-полубога Геракла. Служение героической мужественности куда привлекательнее служения ужасу; героика справедливой силы сплачивает народ, она создаёт устойчивую общность. — Антигон погладил своё опухшее плечо, снова вытер руки

о хитон, и повернулся к Неарху. — А ты как думаешь, Айшма?

— Мне жаль этот город, — печально ответил Неарх. — Он будет уничтожен абсолютно зря.

— Удивительное сопереживание! — возгласил с ухмылкой Антигон. — Впрочем, я и забыл, что тебя с этим городом связывают давние отношения... Ты ведь, Айшма, долгое время жил в Тире, когда существовал в образе Адонирама, брата царя Соломона. Старые привязанности?

— Доводы рассудка. В любом случае живые жители Тира полезнее мёртвых.

Антигон с сомнением пожал плечами.

— Готов с тобой поспорить, — сказал он. — Сейчас Александру нужен кровавый и наглядный пример, благодаря которому все поймут, что, имея дело с македонской армией, они имеют дело с судьбой, противиться которой бесполезно, а лучше безропотно подчиниться. Самая мощная и неприступная крепость Востока падёт завтра, население города будет предано смерти. Это лишний раз продемонстрирует нашу силу и принципиальность: тот, кто покорится нам, будет жить и процветать, а тот, кто окажет сопротивление, будет уничтожен. Героическая судьба тяжёлой поступью шагает по восточным землям, мир меняется, железом и кровью сплавляя Запад и Восток в единое целое. У любого человека есть выбор: он может встать в строй и идти вместе с Александром к новому будущему или умереть.

— Александр может и проиграть эту войну, — скептически заметил Непарх.

Антигон поморщился:

— Это совершенно не важно. Не он, так другой завоюет земной мир, превратив этот бессмысленный хаос человеческой жизни в органичное и могущественное целое, способное бросить вызов самому Богу. Если это не удастся Александру, он станет образцом для многих других, тех, кто идёт за ним. Идея избранности, героики войны и мирового господства уже поселилась в умах человечества, она будет снова и снова провоцировать великое объединение, которое не считается ни с какими жертвами. Эту идею, идею сверхчеловечества уже не убьёшь никогда. — Антигон опять погладил своё больное плечо. — И для воплощения этой идеи наша помощь, помощь демонов, совершенно необходима. Главное в нашей работе сейчас — не потерять рычаги управления этой идеей.

— О каком управлении человеческими идеями ты говоришь?! — в ярости воскликнул Лисимах. — Мы, свободные духи, ангелы Утренней звезды, своим лучезарным сиянием могли затмить свет Бога, став хозяевами Неба, но проиграли и теперь должны подчиняться воле Александра, этого капризного мальчишки, который владеет перстнем Повелителей! Он собрал нас вместе и заставил работать, словно слуг, завоёвывая для него мир! Для этого ли мы были созданы, об этом ли мы мечтали, пытаясь в Небесной битве обрести

свободу? — Лисимах повернулся лицом к Нейрху, — Скажи, Айшма, легат грозного шестого легиона, могучий демон Ас-модей, имя которого люди страшатся даже произнести, скажи, так ли приятно тебе, приняв облик критянина Нейрха, гнуть свою шею в поклонах этому македонскому недорослю, отдавая тому свои силу и умения? — Лисимах перевёл свой взгляд на Антигона. — А ты, могущественнейший Вельзевул, ты, второй по силе после нашего князя Люцифера и первый полководец восставших ангелов, зачем ты стал одноглазым Антигоном и служишь этому выскочке, старательно выполняя все его поручения? — Лицо Лисимаха покраснело от гнева. — Молчите?.. Я отвечу за вас. Вы стали рабами людей вместо того, чтобы стать их богами! И если мы не возродимся в своём господстве и не накажем этого глупое животное по имени человек, мы будем изгоями не только на Небе, но и здесь, на Земле. — Лисимах резко махнул рукой. — Людей надо уничтожить! — громогласно объявил он.

Антигон осклабился, показав зубы.

— Ты перегрелся сегодня на солнце, Молох, кипишь ненавистью, и это лишает тебя рассудка, — спокойно ответил он. — Ты же знаешь, мы не можем не подчиняться Повелителю с перстнем — таково вечное проклятие нашего Ниспровергателя.

— Надо попытаться с помощью людей, завистников царя, убить Александра, взять перстень, — прошипел Лисимах, — и вернуть себе свободу, навсегда покончив с нашей слабо-

стью.

— Ещё не время, мой дорогой Молох, — ответил Антигон, — ещё не время... Александр делает то, что нужно нам, он растит новый мир, он готовит почву нашей власти. И пока он идёт в правильном направлении, стерпев обиду и принимая его жалкие потуги на право божественности, надо ему служить и помогать... Александр, сам того не подозревая, сделал великое дело — он объединил нас, прекратив наши распри. Он наш объединяющий стержень и этим очень важен сейчас. Но когда Александр нам будет не нужен, мы уберём его, принеся в жертву великой истории. Поверьте, в памяти потомков он навсегда останется молодым и сильным, он будем ярким примером могущества человеческого, химерой своего вечного образа привлекая неуёмное желание власти. Александр — это наш авангард, мощью своей воли прокладывающий нам путь в души человеческие. Придёт время и наша слабость станет нашей силой. Змея пока дремлет, но она не упустит своего момента ужалить.

Лисимах насупился и недовольно промолвил:

— Вельзевул, я всегда с особыми доверием отношусь к твоему слову. Надеюсь, ты окажешься прав.

— Верь, мой дорогой Молох, — с улыбкой сказал Антигон, — будущее принадлежит нам.

Антигон встал со своего места, подошёл к пологу палатки и слегка отёрнул его. Солнце уже совсем скрылось, и яркий красный закат ленточкой вытянулся на горизонте, отступая

в глубину моря под натиском темноты.

— Завтра будет тяжёлый день, — сказал Антигон. — Тяжёлый и великий день: придётся поработать мечом... А пока надо отдохнуть.

Первым из палатки вышел хмурый и решительный Лисимах. Неарх задержался, оставшись с Антигоном наедине.

— И всё-таки я не вижу смысла в уничтожении города, — сказал критянин.

— Айшма, ты просто отвратителен в своей жалости! — воскликнул Антигон, усмехаясь. — Хочешь лишить нашего малыша Молоха его любимого занятия? Ты же знаешь, он как упрямый ребёнок, просто обожает свою игрушку-смерть и пока с ней не наиграется, не успокоится. Дай напиться его мечу крови, иначе эта неудовлетворённая страсть окончательно лишит его рассудка.

— В городе десятки тысяч женщин и детей. Если мы всех убьём, эта излишняя жестокость отвратит от нас жителей других городов, и тогда они будут сопротивляться нам с ещё большей ожесточённостью.

Антигон на мгновение задумался.

— Может быть ты и прав... Хорошо, я поговорю сейчас с вождями сидонян, и мы что-нибудь придумаем, — ответил он и попрощался с Неархом до утра.

Утром следующего дня призывный трубный рёв возвестил о начале нового штурма Тира. Осадным орудиям уда-

лось обрушить южную стену города; македонские воины во главе со своим бесстрашным царём Александром ворвались в город. Резня продолжалась весь день и приостановилась только с наступлением сумерек. Шесть тысяч тирян было убито в тот день. К вечеру нападавшие просто устали убивать, но жажда крови их ещё не была утолена. На следующий день македоняне распяли ещё две тысячи горожан, попавших им в плен. В живых из тех, кто находился в городе во время штурма, остались только те немногие, кто успел спрятаться в храме Мелькарта. Александр не посмел осквернить святое место своего любимого человека-бога Геракла, даровав укrywшимся там жизнь.

Македоняне, вероятно, исполнили бы своё обещание и уничтожили всех тирян, но стало известно, что бóльшая их часть, женщины и дети, числом тридцать тысяч, смогли в ночь перед штурмом выбраться из города на кораблях сидонян. Правда, судьба их тоже была незавидна. Сидоняне всех их продали в рабство и были чрезвычайно довольны этим своим боевым трофеем.

Тир был разрушен, а Александр Македонский отправился дальше. Ужаснувшись новой мощи, пришедшей с севера, Египет сдался без боя, а египетские жрецы, чтобы утешить самолюбие македонского царя, объявили его богом.

Поход после этого продолжался ещё девять лет. Неведомая сила влекла Александра на восток. Он шёл со своей армией всё дальше и дальше, завоёвывая новые страны и по-

коряя народы. И только в Индии ему пришлось остановиться: уставшее войско не в силах было больше выдержать воинственный порыв Александра. Царь вернулся в завоёванный Вавилон с целью подготовить новый поход, теперь уже в западные страны. Он был ещё молод, и идея завоевать весь мир казалась абсолютно выполнимой. Но этому не суждено было исполниться. Александр Македонский умер в возрасте тридцати шести лет. Многие думали, что его отравили. Перстень, который был символом царской власти и с которым Александр никогда не расставался, после его смерти исчез. Когда обожествлённый царь ушёл в мир иной, великая империя распалась на отдельные государства. Преемники Александра, диадохи, со звериной яростью набросились друг на друга, не щадя ни жён своих врагов, ни детей. Подлость стала правилом, жестокость — главным принципом. В этой долгой, растянувшейся на десятилетия кровавой войне бывших друзей и соратников погибли почти все полководцы Александра. Одними из последних пали Антигон Одноглазый и Лисимах. Оба они были убиты в боях, когда им было уже за восемьдесят. Больные и немощные старики, они до последних минут своей жизни так и не отказались от страстного желания восстановить любой ценой империю Александра.

Неарх умер своей смертью, в войнах диадохов участия не принимая... Хотя, некоторые говорили, что он и не умер вообще, а сразу после смерти Александра исчез, уплыл на большом корабле куда-то на юг, в неизвестную далёкую страну,

где жили чёрные люди и где даже не слышали о великой и героической судьбе божественного Александра.

Ходил слух, что именно Неарх похитил перстень власти и спрятал его в пустыне, чтобы уже никто и никогда не смог повторить славный путь македонского царя, первого завоевателя мира, силой оружия попытавшегося объединить Запад и Восток.

Часть первая: Три Дороги

Глава 1

Дорога ангела, 12 мая 2006, Москва

Как внутри, так и за окном высокого офисного здания компании «РосТорг» кипели жаркие весенние московские будни, наполненные активной деятельностью, шумом и движением. Но общий деловой настрой сильно расходился с настроением Владимира Китаева, которого охватило тягучее постотпускное похмелье свободы.

Владимир немного наклонил голову направо и снова бесцельно, искоса уставившись пустым ленивым взглядом, пересчитал карандаши и ручки, стоявшие у него в чёрном стаканчике. Пятнадцать, включая белую пластиковую вилку, непонятно как попавшую в компанию пишущей остроносой братии. Пять минут назад было почему-то четырнадцать – вероятно, ошибся, очередной раз пересчитывая... Владимир огляделся, обвёл отсутствующим взором комнату, скользая по сосредоточенным лицам своих коллег, – все они были погружены в работу, набивая что-то на клавиатуре или общаясь по телефону, – и тяжело вздохнул. Психофизическая единица бытия по имени Владимир Китаев совсем не хотела встраиваться в рабочий ритм дружного и трудолюбивого

коллектива. Гора накопившихся за время отпуска на столе и не разобранных документов откровенно склоняла своим видом к необходимости плодотворного труда – но так не хотелось работать и возвращаться к повседневной жизни, забыв о солнце, море и расслабленной неге пляжного туриста.

Олег Шепель из департамента маркетинга внезапно появился за спиной Владимира и непринуждённо шлёпнул того по плечу.

– Не вижу энтузиазма! — громко сказал он. — Отдохнувший, посвежевший, с новыми силами! Что, не вошёл ещё в трудовой ритм, товарищ пролетарий? — широко улыбаясь, шутливо осведомился Олег. — Ну, это мы быстро исправим!

За неимением гостевых стульев Олег присел на стол, отодвинув в сторону кипу бумаг. Небольшого роста, полноватый молодой человек с открытым, жизнерадостным лицом сидел на широкой столешнице и беззаботно болтал свесившимися ногами.

Олег Шепель появился в компании год назад, но за это время успел сделать быструю и успешную карьеру. С должности простого менеджера он поднялся сначала до куратора проекта, а потом и начальника отдела в департаменте маркетинга. Ходили слухи, что он дальний родственник коммерческого директора компании Эдуарда Рихтера или хороший знакомый его семьи. Он эти слухи не подтверждал, но и не опровергал. Как бы там ни было, его успехи в бизнесе и карьерный рост были налицо, и он мог этим гордиться, демон-

стрируя деловую спешивость. Однако в общении с Владимиром он оставался тем же весёлым рубаха-парнем, с каким Владимир познакомился и успел подружиться год назад.

— Ну, как там кубиночки? Ничего себе? — Олег стал говорить заметно тише, его лицо расплылось в довольной, заговорщической и подозрительно мечтательной улыбке.

Владимир как-то без энтузиазма пожал плечами.

— Реальность серьёзно разошлась с ожиданиями, — сказал он.

— А мне, когда я был там два месяца назад, кубиночки очень понравились, — заметил Олег, плотоядно щёлкнув языком.

— Ну, знаешь, мне было не до местной экзотики. Я же был на Кубе со своей девушкой, с Зоей.

— Ага, понятно, — кивнул Олег, — в Тулу со своим самоваром. Ну, ты тоже молодец!.. — криво усмехнулся. — А фотки-то кубинские есть уже?

— На сети лежат уже с утра, я всем знакомым в компании ссылку сбросил, включая, между прочим, и тебя, — немного обиженно ответил Владимир.

— Я с утра ещё до рабочего места не дошёл, — махнул рукой Олег. — То одно, то другое, понимаешь. Совсем забегался... Ну, не томи, давай, показывай!

Олег склонился над монитором, а Владимир уже открыл файлы и приготовился к необходимым пояснениям, как вдруг зазвонил телефон. Отвлёкшись от красивых кубин-

ских пейзажей, Владимир нехотя, только после четвёртого звонка, снял трубку и замер в неожиданности. Выслушав удивительно короткое сообщение и успев сказать только «да, иду», Владимир положил трубку.

— Кто это был? — спросил Олег, обратив внимание на озадаченное выражение лица приятеля.

— Секретарша Лисы.

— Самого?! — громко удивился Олег, округлив глаза. — А что ему от тебя надо?

Владимир пожал плечами и медленно, непонимающе пробормотал:

— Просит зайти срочно.

Лисой в компании звали за глаза вице-президента Пахомова. Он и вправду был похож на лису — рыжий, с хитрым, прищуренным и цепким взглядом. Пахомов появился в компании примерно года полтора назад. Бывший генерал ФСБ курировал службу безопасности в компании и отвечал за работу с государственными органами. В компанию его пригласили акционеры. Президент, директора, да и весь коллектив, с опаской и подозрительностью относились к нему, справедливо полагая, что не просто так в компании появился бывший генерал ФСБ. Никогда ранее Владимир не просто не пересекался по своим служебным делам с грозным вице-президентом, но даже и не общался с ним ни разу. Это был не его уровень отношений, да и что могло связывать обыкновенного рядового менеджера с высшим руководством ком-

паний? Первой мыслью сразу вспыхнуло: «Что я мог натворить такого страшного, если мной заинтересовалась служба безопасности, да ещё на таком уровне?» Но Владимир решительно не мог припомнить за собой ничего хоть чуть-чуть криминального. Именно чистота своей совести перед компанией его смущала теперь больше всего.

Пахомов, развалившись в дорогом кожаном кресле, сидел за огромным и пустым столом и что-то с интересом рассматривал в мониторе. Он мельком взглянул на секретаршу и Владимира, осторожно вошедших в кабинет, и опять уткнулся в монитор.

— Леночка, — тон Пахомова был равнодушно-повелителен, и чувствовалось, что он не требовал никаких повторений, — сделайте, пожалуйста, нам два чая... — Пахомов взглянул на Владимира и спросил, видимо решив уточнить, скорей из фигуры начальственной вежливости: — Владимир, вы чай будете?

Владимир поспешно кивнул, не сводя глаз с вице-президента.

— Два зелёных чая, Леночка, — сказал Пахомов, вернувшись к монитору.

Секретарша мгновенно исчезла.

— Владимир, садитесь, пожалуйста, — предложил Пахомов.

Владимир аккуратно присел на край самого близкого к себе стула и выжидательно замер, выпрямив спину и сцепив

пальцы рук.

— Из отпуска? — лениво спросил Пахомов, так и не оторвав глаз от своего монитора.

Владимир кашлянул, прочистив внезапно пересохшее горло:

— Да, сегодня первый рабочий день.

— И где вы отдыхали?

— На Кубе.

— Красивая страна? — Вице-президент отвлекся, наконец, от монитора и стеклянным, отсутствующим взглядом посмотрел на Владимира.

— Да, — сказал Владимир, натужно, изображая открытость, улыбнулся и принялся рассказывать: — Красивая страна, прекрасные пляжи, добродушный, приветливый народ...

— Я был на Кубе лет семнадцать назад, — хмуро оборвал Владимира Пахомов, решив, видно, предупредить своим замечанием ненужный рассказ.

Владимир осёкся и замолчал. «Что же ему надо от меня?» — раздражённо подумал он и стал нервно отстукивать каблуком дрожащий ритм под столом. Вошла секретарша с подносом и любезно выгрузила с него зелёный чай.

— Вы можете подойти поближе? — вдруг спросил Пахомов, когда секретарша снова покинула кабинет.

Рука Владимира, державшая чашку, дрогнула.

— Я? — ответил Владимир тупым вопросом на вопрос, вы-

тянув лицо в сковывающем и взволнованном изумлении.

— А вы, ещё кого-то видите в комнате? — рассудительно заметил Пахомов.

Владимир, неуверенно переступая, подошёл к столу Пахомова.

— Это ваши фотографии? — поинтересовался вице-президент, рукой показывая на экран монитора.

Треть растянувшейся на весь экран фотографии занимал Владимир Китаев собственной персоной. В шортах, цветастой рубашке и кепке с надписью “Cuba”, с довольным выражением лица — всё как полагается для счастливого момента отпуска в жаркой тропической стране. А кругом — знакомые, солнцем залитые дома старой Гаваны и приветливые жители Кубы. Яркие краски тропиков и отдыха, запечатлённые фотоаппаратом и разлившиеся по экрану монитора. Весёлые, улыбчивые лица кубинцев и туристов на маленькой улице Гаваны...

— Да, мои, — тихо проговорил Владимир, искренне не понимая, чем же могли заинтересовать вице-президента крупной компании его кубинские фотографии.

— Вы знаете этих людей?

— Кубинцев? — Владимир обескуражено посмотрел на вице-президента и понял, что сморозил очередную глупость.

— Нет, — немного раздражённо бросил Пахомов. — Вот эту парочку на заднем плане. — И вице-президент пальцем ткнул в верхний угол экрана.

Парень и девушка. Она – загорелая юная брюнетка, он – русоволосый молодой человек лет двадцати пяти.

– Вы знаете этих людей? — повторил свой вопрос Пахомов.

– Ну, это... — растерявшись, промямлил Владимир, запнулся и выдал свою версию: — Это туристы, наверное.

– Туристы? — недовольно спросил Пахомов. — Вы знаете что-нибудь о них? Как зовут? В каком отеле жили? — В глазах бывшего генерала загорелся огонёк искреннего интереса.

– Нет, — проговорил Владимир и виновато опустил голову, как будто действительно серьёзно провинился, не узнав у людей, случайно попавших в кадр, как их зовут и где они живут.

– Жаль, — с еле скрываемой досадой сказал Пахомов и прибавил: — Спасибо, Владимир, я вас больше не задерживаю.

Уже у дверей Владимир вдруг остановился. Память вытащила на свет маленькую, совсем незначительную деталь той гаванской экскурсии. Он вспомнил эту молодую пару, случайным образом оказавшуюся на фотографии. Нет, они, скорее всего, не были туристами. Но и кубинцами они тоже не были. Владимир вспомнил, как проходя мимо этих парня и девушки, он слышал их разговор между собой...

– Они французы и, полагаю, работают в одном из кубинских университетов, — вдруг проговорил Владимир, уже взявшись за ручку двери.

– Французы?! — откровенно удивился Пахомов и с любопытством посмотрел на Владимира.

– Я слышал, как они разговаривали друг с другом на французском языке и говорили, по-моему, о каком-то университете.

– Вы уверены?

– Да, я уверен, — в подтверждение своих слов Владимир решительно кивнул.

Пахомов задержался в этот день на работе дольше обычного. Он долго смотрел на фотографию, пытался её приблизить, отдалить, чтобы лица заинтересовавших его девушки и парня можно было разглядеть получше. После этих несложных упражнений Пахомов вставал, ходил по кабинету, о чём-то размышляя, потом опять садился в кресло и принимался снова разглядывать фото. Иногда кривая улыбка медленно изгибала краешки его губ, вдруг быстро и бесследно исчезая.

Бывший генерал ФСБ не верил в свою удачу. Прошло уже три года. И вот спустя три года он всё-таки увидел их вместе. Он был уверен, что случайная фотография запечатлела лица его старых знакомых – Руслана Кондратьева и Карины Станкевич. Не хватало только третьего, и самого главного, персонажа той давней истории – Вячеслава Полуянова, отца Карины. Но Пахомов был уверен, что тот должен находиться где-то рядом с этой парочкой. А значит есть все шансы заполучить наконец в свои руки заветную вещьцу... Несмотря

ря ни на что, он верил в то, что древняя реликвия — перстень Соломона, — за которую в своё время покойный Бартли предлагал ему очень неплохие деньги, существовала в реальности, а не была плодом чьего-то воображения или исторической фантазией.

Пахомов вынул записную книжку и быстро нашёл в ней нужную запись. Четыре года назад он виделся со своим коллегой, который работал тогда в российском посольстве на Кубе. Как он тогда просил его устроить в Москве!.. Ну, что ж, если ты сейчас мне поможешь, подумал Пахомов, так и быть, возьму тебя к себе в службу безопасности.

В Гаване было утро. Разговор получился короткий. Знакомый с радостью согласился выполнить небольшое поручение – найти молодую парочку, предположительно, французов, работающих по найму или обучающихся в каком-то кубинском учебном заведении. Дело, в общем-то, пустяшное, если есть фото этих самых французов, а перспективу оно рисует неплохую. Понадобилось всего несколько минут, чтобы получить по электронной почте фотографию.

После разговора с бывшим коллегой Пахомов опять встал из-за стола и прошёлся по кабинету, меряя его шагами. Надо было подождать несколько дней, получить новости с Кубы, а потом уже сделать следующий ход. Но Пахомову не терпелось начать игру. Он порылся в своей визитнице и вытащил на свет кусочек плотного белого картона, на котором было напечатано по-немецки: «Генрих Келлер, адвокат» и один

телефон в Цюрихе. Пахомов повертел визитку в руках, положил её на стол, а сам сел в кресло. Он сидел неподвижно почти несколько минут, разглядывая эту короткую надпись на плотной бумаге, и пытался вспомнить все детали давних событий.

Это произошло три года назад после его сокрушительного фиаско, связанного с делом Полуянова.

В той гонке он шёл вторым номером, правильнее сказать, у него была роль второго номера в партии, разыгранной покойным Джорджем Бартли. Бывший агент ЦРУ Бартли был излишне самоуверен, он и не думал, что генерал ФСБ Пахомов не ограничится ролью исполнителя, приняв на веру обещания щедрой оплаты его помощи. Пахомов решил взять инициативу в свои руки, используя Бартли как таран, а потом откровенно с ним расправившись. Но игра сулила неплохой доход. Пахомову удалось узнать имя человека, который поручил Бартли найти Полуянова и древнюю реликвию. Этим человеком оказался некто Джеймс Лоуренс, американский историк. Генералу даже удалось связаться с ним – тот в случае успеха, в обход Бартли, предлагал сумму, в пять раз превышавшую ту, которую обещал Бартли Пахомову. Стоило рискнуть – в случае успеха Пахомов мог обеспечить себе безбедную старость.

Но всё закончилось печально. И казалось, Пахомова уже ничто не могло спасти – погибли люди, открылись очень неприятные обстоятельства его тайных личных дел. И если

бы не заступничество некоторых влиятельных лиц и опасение огласки со стороны ведомства, Пахомов сейчас наверняка находился бы в тюрьме. Однако всё это ограничилось лишь увольнением со службы. Ко всему прочему генерал узнал о гибели в автокатастрофе Джеймса Лоуренса – кто-то умело оборвал все ниточки...

Уже после всех драматических событий, месяца через два после скандального увольнения, в его квартире появился необычный человек, швейцарский адвокат Генрих Келлер – прекрасно говорящий по-русски маленького роста седой иностранец в очках с толстыми линзами. Он был откровенен, и Пахомова поразила его полная осведомлённость в деле Полуянова. Келлер знал практически всё о перстне Соломона, о Полуянове, о том, что тот, возможно, обнаружил древнюю реликвию в Москве. Пахомов сразу понял, что имеет дело с представителем истинного заказчика поисков перстня Соломона, тогда как погибший Лоуренс был, скорее всего, лишь подставной фигурой, назначенным посредником. Разговор с адвокатом получился короткий, но обстоятельный. Келлер предлагал очень неплохие деньги за любую информацию о местонахождении Руслана, Карины или Полуянова и совсем уж неприлично серьёзную сумму за саму древнюю реликвию.

Пахомов покрутил в руках визитку и вспомнил озвученную адвокатом сумму гонорара с семью нолями. Ставки в игре значительно выросли! Пахомов не мог больше ждать,

маленький кусок плотного картона жёг ему руки. Он решительно набрал номер телефона. Мычать что-то в трубку по-английски не пришлось, секретарша, видя затруднения генерала с языком, легко перешла на русский и через несколько секунд соединила со своим хозяином.

— Рад, что вы позвонили мне, дорогой Константин Павлович, — услышал Пахомов в трубке приветливый тихий голос с характерным акцентом.

— Я знаю, где они, — сказал генерал.

Келлер на некоторое время замолчал, а потом поинтересовался, медленно выговаривая слова:

— Вы уверены в этом?

— Считайте, что я видел их.

— И где вы их видели?

— Я не хотел бы об этом сейчас говорить... Необходимо встретиться и всё обсудить.

— Хорошо, — после недолгой паузы сказал адвокат. — Завтра я вылетаю в Москву. Ждите моего звонка.

Пахомов положил трубку телефона, встал, прошёлся по кабинету. Он был непривычно взволнован. Неужели всё-таки удача улыбнулась ему? Сейчас он думал только об одном — о цифре с семью нолями...

В это время в маленькой тёмной комнатке без окон, заполненной всевозможной аппаратурой, сотрудник службы безопасности компании «РосТорг» снял наушники и набрал номер на мобильном телефоне.

– Генерал звонил в Цюрих. Завтра приезжает гость, — быстро доложил он кому-то.

Дорога демона, 13 мая 2006, Гавана

Яркое утреннее солнце, поднявшееся в океане, уже разогрело влажный воздух Новой Гаваны, вдохнув пробуждение в городские улицы квартала. Руслан встал в субботу рано, когда его девочки — жена Карина и дочка София — ещё крепко спали. Руслан осторожно вылез из кровати, бережно сняв руку Карины со своего плеча, и, тихо ступая, на цыпочках вышел из спальни на кухню. Автоматическое движение руки, привыкшей к уже отработанной месяцами очередности действий, — в кофеварке появился молотый кофе, потом второй шаг — и уже зашумела закипающая вода. Сонливость пока не отступила, укачивая мозг всё ещё удерживающей расслабленностью ночи, но тело уже словно автономный механизм самостоятельно вошло в рабочий ритм начинающегося дня... Кофе оказался слишком сладким — вероятно, переборщил с сахаром.

Вот уже больше двух лет Руслан и Карина вынуждены были жить под вымышленными именами вдалеке от родных мест. Его звали Марк Лефевр, её — Дениза Лефевр. Из этих двух лет год они прожили на Кубе, проходя длительную стажировку в Гаванском университете.

Их новая жизнь началась два года назад. Полуянов вывез Руслана во Францию, где его ждала Карина и маленькая

дочка. Для Полуянова, казалось, не существовало непосильных задач. Он не только организовал Руслану и Карине новые французские паспорта, но и устроил направление одного частного института в Гаванский университет. По легенде, которая практически не расходилась с действительным положением дел, супруги Лефевр проходили длительную стажировку в Гаване, изучая испанский язык, кубинскую литературу и историю. Полуянов только по ему ведомой причине, которая имела, наверное, свои основания, полагал, что на Кубе будет достаточно сложно обнаружить Руслана, Карину и их дочку тем, кто захочет использовать их в новой игре.

София росла бойкой и любознательной девочкой. Она стала рано говорить. Вынужденное многоязычие семьи не могло не сказаться на девочке. Набор первых слов, который стала использовать в общении София, представлял собой жгучую смесь французского, испанского и русского языков. И в большинстве случаев только родители могли разобрать, о чём же говорит их дочь.

Жизнь приобрела удивительную размеренность и смысл. Руслан столкнулся с абсолютно неизвестным ранее чувством — с завистью. И завидовал он саму себе. Никогда ранее он не был так счастлив, как в этот кубинский год своей жизни. Руслан открыл для себя то, что казалось невероятным как в силу своей отдалённости, так и в силу своей непонятости ранее. Он открыл для себя собственную важность и необходимость для других людей, для тех, кто стал его маленьким се-

мейным микромиром, его «мы», отделённым стеной самодостаточной целостности от внешнего окружения. Жизнь Руслана сильно изменилась. У него появилась своя крепость, которую он готов был защищать до конца.

Материальное основание семейной крепости Руслана, тем не менее, поддерживал не он, а Полуянов. Банковский счёт периодически, раз в месяц, пополнялся новыми денежными переводами, которые приходили из-за границы. Эти средства позволяли молодой семье безбедно существовать, учиться и воспитывать ребёнка, снимая старую виллу в одном из самых престижных районов Гаваны. Подобное положение дел задевало самолюбие Руслана. И хотя он не раз порывался заняться каким-нибудь делом, приносящим хоть какой-нибудь доход, Полуянов был всегда категорически против этой затеи. Полуянов считал, что любые новые знакомства и расширение круга общения, которое с необходимостью предполагала бы работа, лишь повышает опасность обнаружения Руслана, Карины и их дочери неизвестными злоумышленниками.

Сам Полуянов жил где-то в другом месте или, точнее сказать, в других местах. Периодически, всегда неожиданно, он появлялся у Руслана и Карины, но гостил недолго и снова исчезал так же внезапно, как и появлялся. Он никогда не говорил, откуда едет и куда направляется, и был всегда один. Он кочевал по миру, используя разные паспорта. Сегодня он был французом, через три месяца он уже появлялся как ар-

гентинец, а ещё месяца через четыре он был уже канадцем. Его дела и жизнь представляли собой ещё бóльшую загадку, чем каждая его новая личина.

Руслан не смог бы никогда забыть удивительные откровения Полуянова, сделанные им два года назад. Это было чудное и пугающее прикосновение к тайне. Силу воздействия этого прикосновения трудно было переоценить — не всякий человеческий разум смог бы воспринять ту информацию только потому, что вдруг возникшая новая система координат, где фоном человеческой жизни был вечный заговор, полностью разрушала все прошлые удобные стереотипы. Руслан никак не мог оценить своё отношение к новому видению мира. С одной стороны внутренний скепсис взывал к трезвости мысли, с другой стороны, опыт и внутренняя мистика сознания требовали признания нового видения. Как бы то ни было, Руслан просто привык к этому существованию, в котором мир Полуянова стал далёким фоном его новой жизни. Сам же Полуянов совершенно не торопился посвящать Руслана в новые тайны, знатоком которых он, безусловно, должен был быть. Более того, он старался пресекать любые попытки новых объяснений.

Как бы то ни было, в одном Руслан был совершенно уверен — перстень Соломона был у Полуянова.

Полуянов взял слово с Руслана, что тот будет хранить в тайне их разговор двухлетней давности в сквере на Самотёчной улице. О странной двойственной природе Полуянова и

его тайне никто кроме Руслана не знал. Да и сам Руслан иногда вполне серьёзно задумывался о том, а было ли всё это на самом деле, не шутил ли с ним беглый историк? Его откровенно угнетала широкая панорама всемирной тайны, где любое земное движение есть всего лишь индикатор игры потаённых сил. С осознанием и принятием этих странных правил объяснения было очень трудно жить — порой это было похоже на паранойю. Иногда это и вправду представлялось Руслану странной фантаσμαгорией разума, взятой из параллельной жизни. Но обычно любое сомнение исчезало у Руслана, когда он вспоминал холодный блеск грустных зелёных глаз и загадочную неподвижную улыбку, застывшую на лице ночного гостя. Бывало и так, что Руслан, наблюдая восхищённым взглядом за первыми жизненными успехами своей маленькой дочурки, внезапно грустнел, осознавая что-то важное и тяжёлое, и уходил в сторону, стараясь унять неожиданно появившиеся волнение и боль. Карина видела это, но всегда списывала странное поведение супруга на удивительную восприимчивость, когда излишне разумная оценка собственных чувств мешала просто, откровенно и самозабвенно радоваться жизни.

Держа в одной руке чашку с кофе, другой рукой Руслан поправил лёгкую, почти прозрачную штору на окне, подошёл к столу и уже собирался опуститься на стул. Вдруг внутренний толчок подозрения заставил его отодвинуть стул в сторону и снова подойти к окну. Открывшаяся картина вида

за окном потребовала более внимательно разглядеть непонятную, мельком увиденную деталь, которая словно заноза впиалась в его память.

На противоположной стороне улицы, напротив их дома, он увидел несколько человек. Кучерявый кубинец в потрёпанных старых шортах и майке остановился посреди тротуара и, отчаянно жестикулируя, объяснял что-то своему товарищу, который слушал того, одобрительно кивая. Полноватая матрона с большой сумкой в руках степенно двигалась куда-то вверх по улице. У раскидистого дерева стояла пара старых машин советского производства. И около них, боком к Руслану, — высокий мужчина в тёмно-синей рубашке. Ухватившись одной рукой за железную пику, он прислонился к ограде соседнего дома, повернул голову направо и, вытянув шею, рассматривал через изгородь двор дома напротив.

Ничего необычного. Типичная сценка из жизни кубинских улиц. Встретились знакомые, у которых обнаружилась тема для разговора, дама идёт в магазин или на рынок, а мужчина в синей рубашке кого-то ждёт... Что тут может быть подозрительного? Но только одна маленькая деталь, деталька, которая, провоцируя невесть откуда взявшееся беспокойство, заставила Руслана подняться и снова подойти к окну. Руслана смутила... вытянутая правая рука мужчины, которую почти полностью открывала синяя рубашка с коротким рукавом. Белая рука, словно и не видевшая яркого южного

солнца, была так нетипична для кубинца. Но это был лишь первый внешний сигнал опасности. В застывшей позе мужчины чувствовались сосредоточенность и интерес, с которыми он за чем-то наблюдал. Руслану вдруг показалось, что этот человек совершенно ничего не высматривал в соседнем дворе – он вообще туда не смотрел, а смотрел он, скорее всего, в боковое зеркало стоявшей рядом «шестёрки». Зеркало было неестественно вывернуто в сторону, и, глядя в него, можно было, не привлекая внимания, следить за домом Руслана.

Руслан резко задёрнул штору, отошёл от окна, походил по кухне, раздумывая, а потом снова подошёл к окну. Мужчина уже повернулся лицом к его дому и был не один. Рядом с ним стоял ещё какой-то человек в белом льняном костюме. Новый неизвестный особенно заинтересовал Руслана. Высокий сухопарый мужчина совсем не походил на кубинца: длинное, вытянутое лицо, пшеничные, почти совершенно жёлтые, волосы, большой нос с горбинкой – по облику и манерам он больше был похож на англосакса или немца, чем на латиноамериканца. Незнакомец что-то говорил своему товарищу, тот его внимательно слушал – было отчётливо видно, что желтоволосый в этой странной паре старший. Всё то совсем недолгое время, какое Руслан наблюдал за двумя неизвестными под своим окном и пытался получше их рассмотреть, высокий иностранец в льняном костюме стоял вполоборота к нему, но скоро он повернулся и прямо посмотрел в сторо-

ну Руслана. Он не мог видеть лица Руслана, но и не заметить фигуру за прозрачной шторой тоже не мог. Некоторое время желтоволосый, стоя неподвижно, внимательно и демонстративно разглядывал окно, за стеклом которого находился Руслан, потом он посмотрел на часы и, вернувшись к своему наблюдению, поднял руку и... помахал ею.

Руслан в нерешительности отпрянул от окна. Что бы всё это могло значить? Незнакомец вполне очевидно и явно сделал знак рукой именно ему! Руслан не знал, как это можно было объяснить, но он вдруг почувствовал приближение опасности. Надо было что-то срочно предпринять. Он поспешно выскочил из кухни и по коридору направился в спальню. Там, в спальне, за неприметной дверью, спрятанной за высоким комодом, находился запасной выход. Надо было срочно разбудить девочек и быстро покинуть дом. Времени практически не оставалось — уже теперь Руслан благодаря непонятному внутреннему чувству, ворвавшемуся в его сознание, был практически уверен, что появление этого странного желтоволосого человека не могло принести его семье ничего кроме несчастья! Потом, потом он узнает всё и во всём разберётся, а теперь надо было срочно вывести девочек из дома и где-нибудь их спрятать!

Руслан хотел побежать, но случилось что-то совершенно непредвиденное. По телу вдруг растеклась непонятная усталость, в ногах появилась непреодолимая свинцовая тяжесть, внезапно сделавшая шаги очень трудными, почти невозмож-

ными. Руслан пытался идти дальше, преодолевая неожиданную скованность и вялость в теле. Голова закружилась, всё поплыло перед глазами, стена стала уходить куда-то в сторону. Не удержавшись на ногах, Руслан упал на пол, не в силах уже сделать ни одно, даже самое простое, движение. За секунду до того, как он потерял сознание, в его голове пролетела запоздалая догадка: «Слишком сладкий кофе...»

Глава 2

Дорога человека, 14 мая 2006, Москва

Полковник ФСБ Сарычев, стоя у окна в своём кабинете на Лубянке, смотрел на улицу и курил. Мелкий дождь, который зарядил с утра, с наступлением вечера только усилился. Выделяя в толпе привлёкшие его внимание мечущиеся под дождем фигурки людей, Сарычев пытался отследить их перемещения и угадать маршрут движения. Это занятие хоть как-то отвлекало его от нудного кабинетного ожидания в этот воскресный вечер. Полковник ждал своего заместителя майора Коваленко, который должен был вот-вот появиться с докладом по одному важному делу, свалившемуся на голову Сарычева сегодня в форме неожиданного поручения руководства.

Днём позвонил его начальник генерал Костылев. Генерал был откровенно раздосадован тем, что в воскресный день, отдыхая на даче, ему приходится заниматься служебными делами, и что его телефон уже раскалился добела от нервных и возбуждённых звонков разных влиятельных и высокопоставленных персон. И все эти звонки были связаны с одним странным происшествием, случившимся сегодня в Москве. В Битцевском парке был найден труп швейцарского адвоката Генриха Келлера, прибывшего в Москву накануне вечером.

— Значит, всё в сторону, срочно займёшься этим делом, —

давал Сарычеву поручение его начальник. — Не знаю, что там за мёртвую птицу нашли в Битце, но, видно, важная была, раз мне такие люди звонили. — Ударение было сделано на слове «такие». — Я завтра с утра буду на месте — доложишь все детали.

Сарычев пытался определить, как поведет себя под дождем молодая парочка, выбежавшая из перехода метро на улицу, когда в кабинет заглянул Коваленко:

— Иван Прокофьевич, разрешите войти?

Несмотря на то, что Коваленко был лет на пять старше Сарычева, он всегда называл своего начальника по имени-отчеству и был предельно уважителен, стараясь соблюдать необходимую субординацию во всём.

Сарычев махнул рукой:

— Заходите, Анатолий Ильич, садитесь.

Коваленко присел на стул, положив на стол небольшую папку с документами, достал оттуда листок бумаги и тяжело вздохнул:

— Значит, по делу об убитом швейцарце, Иван Прокофьевич, могу доложить следующее. Сегодня 14 мая, в 9 часов 30 минут утра в районе Битцевского парка был найден труп мужчины 65-70 лет. Труп обнаружила одна пожилая семейная пара. Супруги живут неподалеку от места происшествия. В воскресное утро они вышли на прогулку в парк... Сразу была вызвана милиция. При убитом находились паспорт и водительские права на имя Генриха Келлера, гражда-

нина Швейцарии. Рядом был обнаружен пустой бумажник, предположительно принадлежавший убитому и две визитные карточки на имя Генриха Келлера, партнёра адвокатской конторы «Гербер и Келлер» из Цюриха. По предварительным данным смерть наступила в результате прямого огнестрельного ранения в область сердца. Выстрел был произведён с близкого расстояния из пистолета – предположительно «ПМ». Сейчас проводится экспертиза... Убийство, скорее всего, было совершено в другом месте, тело перевезено на машине и брошено в районе парка. Характерно, что преступники (или преступник) даже не стали скрывать следы преступления. Труп даже не пытались спрятать.

– Когда наступила смерть?

– Приблизительно в 23 часа 13 мая.

– Как он оказался в Москве?

– Келлер прибыл в Москву 13 мая в 20 часов рейсом «Swissair» из Цюриха. Многоразовая российская виза была открыта полгода назад.

– Посольство Швейцарии информировано?

– Да. Просят забрать тело из морга – отправить на родину, и предлагают помощь в расследовании.

– Что у нас с братьями по оружию?

– Дело расследует прокуратура. Мы будем осуществлять оперативное сопровождение.

– Что удалось узнать про этого Келлера, про его нахождение в Москве?

Коваленко вкратце поведал о том, что успела узнать по делу об убийстве швейцарца следственная группа прокуратуры и ФСБ.

После прибытия в Москву Келлер из Шереметьево на такси отправился в гостиницу «Националь» – там на его имя был забронирован номер люкс. Дежурная в гостинице сказала, что швейцарец пробыл в своём номере буквально десять минут и ушёл из гостиницы, оставив свой ключ. Больше он в отеле не появлялся. Работники отеля, которым показывали фотографию Келлера, вспомнили, что тот покинул гостиницу примерно в 22:10, сразу же поймал какого-то участника на тёмно-зелёном «фольксвагене»-универсале и уехал по Тверской улице в сторону Пушкинской площади. Номера машины никто не запомнил. Следовательская группа прокуратуры и работники ФСБ провели осмотр номера Келлера, но там практически ничего не нашли. Келлер не оставил в номере ничего, кроме своих отпечатков пальцев и журнала «Шпигель», который он, видимо, читал в самолете и купил ещё в Швейцарии.

– А что таксисты? Около «Националя» наверняка всегда стоят свои дежурные таксисты, – заметил Сарычев.

– Они тоже вспомнили Келлера. Тот не стал вызывать такси через портье и отказался ехать с местными таксистами, перешёл на другую сторону Тверской и стал ловить машину там. Номера тёмно-зелёного «фольксвагена», который увёз Келлера, никто не запомнил. Правда, один таксист отметил,

что Келлер долго разговаривал с водителем. Таксист даже смог рассказать, как выглядел тот, кто увёз Келлера. Но в описании его внешности не было ничего примечательного. Темноволосый, худощавый парень лет двадцати – двадцати пяти.

– Машину надо попытаться найти как можно быстрее, – сказал Сарычев. – Сделайте всё возможное, даже если придётся проверить все тёмно-зелёные «фольксвагены»-универсалы Москвы и Московской области. Надо опросить всех, кто мог что-то видеть или слышать в парке. Дело на особом контроле там, – Сарычев показал пальцем в потолок, – и по-сему надо с ним разобраться кровь из носу и побыстрее.

Коваленко устало, без особого энтузиазма, но согласно кивнул.

– Что Келлер делал в Москве? – спросил Сарычев.

Коваленко откровенно пожал плечами:

– Пока это неизвестно.

Сарычев постучал пальцами по столу:

– Ну, хорошо, Анатолий Ильич, – сказал он, – на сегодня, полагаю, всё. Оставьте мне бумаги, я хочу их посмотреть.

Когда Коваленко вышел, Сарычев взял бумажную папку с копиями следственных документов и стал их внимательно читать.

После всего, что рассказал Коваленко, Сарычев ещё более уверился в том, что дело весьма странное. Что делал швейцарский юрист в Москве? Почему убийцы не спрятали те-

ло и даже оставили документы? И зачем его обокрали? Ведь не нашли никаких вещей, кроме пустого бумажника. Инсценировка ограбления? А что если швейцарец действительно стал просто жертвой разбойного нападения, и никакого заказа не было? А интерес наверху возник просто по причине определённого знакомства убитого с кем-то у нас, кого афишировать не очень-то хотят. Но это могло быть и заказом. Тогда ситуация должна быть прочитана по-другому, и надо искать заказчика через связи убитого. Так или иначе, всё упиралось в личность господина Келлера, а о нём пока ничего определённого известно не было. Самым скверным было то, что эта личность, судя по всему, имела при жизни серьёзный вес в каких-то высоких кругах, и потому связи Келлера могли быть запутаны и опасны.

Раздался телефонный звонок. Это был приятель Сарычева полковник милиции Травкин.

– Привет, Ваня, – бодро начал Травкин.

– Здравствуй, Юра, – откликнулся Сарычев.

– Давно вас не было слышно, Иван Прокофьевич, – язвительно протянул Травкин на другом конце телефонной линии: – Совсем вы нас забыли.

– Юра, ну ты же понимаешь, сезон пошёл. Ни минуты свободного времени. А наша служба...

– ...и опасна, и трудна. Знаю-знаю... Скажи лучше, когда на рыбалку поедem? Мне понравилось там, на озерке, помнишь?

– Где три щуки поймали?

– Четыре!

– Три щуки и одного большо-о-го леща.

– Ладно, порадуй, пригласи на рыбалку.

– Как ребус разгадаю, так сразу и поедем.

– Что-то серьёзное и срочное?

– Не то слово, – грустно ответил Сарычев. – Может, поможешь в плане информации? – Сарычев надеялся, что если убийство было не заказным, а произошло во время ограбления, Травкин и милиция со своей агентурой могли бы помочь выйти на след убийц.

– Рассказывай, – со вздохом разочарования проговорил Травкин. – Ты же без работы не можешь.

– Человек погиб в Битцевском парке, швейцарский юрист. Надо бы проверить, может, кто чего знает, кто чего слышал. Вы же к земле поближе, траву слышите.

Травкин рассмеялся.

– Да уж, Ваня, сорняки – это наш вопрос. Так как, говоришь, беднягу звали?

– Генрих Келлер.

– Ну, что же, поищем. А ты пока удочки готовь.

В воскресенье Владимир Китаев вместе со своей девушкой Зоей был приглашён на шашлыки за город. На вопрос о поводе намечаемого торжества его инициатор и организатор Олег Шепель упорно отшучивался, улыбочиво замечая, что

«причина столь ничтожна, что совершенно не важна, короче, просто настроение уже летнее». Владимир подспудно подзревал, что необходимо было бы запастись подарком для подобного мероприятия, но так как его причина оставалась тайной, он решил рискнуть и обойтись без ненужного сувенира. В конце концов, если в ответ на все вопросы просили не беспокоиться о презенте, почему бы не прислушаться к этим настойчивым и неоднократным просьбам.

Владимир скептически относился к распространённой практике выезда на природу. Неисправимый ленивец он относился к той категории людей, которые активному отдыху предпочитали горизонтальное расположение тела на мягкой и ровной поверхности с одновременным просмотром двигающейся картинки. Однако отказать своему приятелю Владимир не мог. И потому, позёывая и отгоняя напавшую вдруг сонливость, он вёл свою «хонду» по Киевскому шоссе, внимательно следя за дорогой. Густые серые тучи, полновластно оккупировавшие в этот день столицу и поливавшие её морозящим дождём, за городом практически полностью рассеялись. Погода обещала быть хоть и не летней, но достаточно тёплой и солнечной.

Рядом с Владимиром сидела его подруга Зоя, которая отстранённо глядела в окно. Сегодня утром они немного повздорили по какому-то пустяку – причину уже и не упоминай, – и теперь лёгкий гнев и раздражение должны были вылежаться в молчании, чтобы потом, как и много раз до

этого, раствориться как утренний туман. Владимир украдкой бросал на Зою короткие восхищённые взгляды. В минуты упрямого и молчаливого недовольства, когда она была немного разозлена, её лицо приобретало какие-то особенно привлекательные черты. Небольшой румянец щёк, обиженно поджатые губы, сосредоточенно серьёзный изгиб бровей и особый блеск зелёных глаз заставляли Владимира снова и снова бросать взгляды на Зою, прятать свою довольную улыбку, отворачиваясь в сторону, и имитировать уже давно прошедшую разобиженную сердитость.

Как ни спешили, всё-таки опоздали часа на полтора. Дачу Шепеля, даже после подробнейших объяснений, найти было весьма сложно. С дороги Владимир раза три звонил Олегу на мобильный телефон, чтобы тот сориентировал его, но, тем не менее, только чудом не пропустили заветный поворот направо, который не был отмечен никаким указателем и надёжно скрывался за высокими кустами.

Хозяин встретил Владимира и Зою у ворот высокого забора из красного кирпича. Олег был откровенно обрадован их приезду и, сверкая довольной, широкой улыбкой, обнялся сначала с Зоей, потом с Владимиром. Кругленький средневозрастной животик Олега был обтянут застиранной и потерявшей изначально яркий синий цвет футболкой с изображением Эйфелевой башни, надписью «Paris» и жирным пятном, которое хозяин, видимо, посадил только что во время приготовления шашлыка. Глаза Олега сияли беззаботным

радостным блеском, усиленным небольшой порцией алкоголя.

– Проходите, проходите, – Олег пропустил гостей вперёд, украдкой вытирая одну руку об основание Эйфелевой башни, а другой рукой показывая в сторону дымившегося в стороне мангала.

Гостей было много, и большинство было Владимиру не знакомо. Одна часть из них, смеясь и позвякивая бокалами, толпилась около мангала, и ожидала новой порции шашлыка, другая растеклась по двору, образуя мелкие группки общающихся.

– Рихтер приехал, – шепнул на ухо Владимиру Олег.

Владимир, конечно, предполагал, что на пикнике может появиться кто-то из руководства компании «РосТорг», но он никак не ожидал, что начальство будет представлено на таком высоком уровне. Коммерческий директор Эдуард Рихтер был весьма высокопоставленной фигурой в компании и не столько в силу своего формального положения, сколько из-за той реальной роли, которую играл в принятии решений. Практически ни одна крупная сделка не могла быть заключена без его одобрения. Любое коммерческое предложение или проект, прежде чем попасть на стол президента, должны были быть рассмотрены Рихтером и им завизированы. Исключения из правил, безусловно, бывали, но они были очень эпизодичны. Рихтер не только давал согласие на все крупные сделки, но ещё и контролировал финансы ком-

пании. Финансовый директор холдинга был подчинён непосредственно ему и все важные вопросы решал с коммерческим директором.

Родители Рихтера были немцами. В наследство от них ему достались не только фамилия, но и пунктуальность, большая работоспособность и холодная расчётливая ясность ума. Рихтер был молчалив и замкнут, никогда не позволял себе излишней эмоциональности, даже когда отчитывал своих подчинённых. С большинством людей из руководства компании он поддерживал ровные, деловые отношения, помимо работы общаясь ровно столько, сколько необходимо, чтобы не прослыть подозрительным нелюдимо и нажать на почве непонятной закрытости лишних врагов. Рихтер никогда не был любителем всевозможных сборищ, встреч и вечеринок, проводившихся среди руководства, и потому было удивительно узнать, что он удостоил своим вниманием такое рядовое мероприятие, как шашлык за городом, организованный всего лишь начальником отдела Олегом Шепелем. Присутствие Рихтера на подобном празднике свежего воздуха и грубой пищи, по мысли Владимира,шний раз доказывало, что Шепеля и Рихтера связывали какие-то особые отношения, похожие на родственные связи или длительное знакомство.

Новость о том, что сам Рихтер находится где-то рядом, немного сковала Владимира, заставив его повнимательнее вглядываться в лица окружавших его людей. Всецело соли-

даризируясь с позицией, что от начальства надо держаться подальше, Владимир, однако, боялся случайным образом не заметить Рихтера и не поздороваться с ним. Неожиданное и невидимое пока присутствие высокого руководства не сказать, что стало неприятным сюрпризом, но планы на сегодняшнее времяпровождение «за шашлычком» всё-таки корректировало.

Народ, стоявший у мангала, лениво потягивал горячительные напитки и пиво, болтал о чём-то пустом, что забывается минут через десять после сказанного, шутил, наблюдая, как хозяин и пара его добровольных помощников надевают на шампуры новую порцию маринованного мяса – в общем, «отдыхал» как принято «отдыхать» на любом загородном рауте среднего достатка. Владимир тоже что-то поддакивал, кивал и пил безалкогольное пиво, периодически грустно поглядывая по сторонам и сожалея, что всё-таки сел сегодня за руль, а не вызвал такси. Зоя нашла общую тему разговора с новой знакомой, имени которой Владимир даже не запомнил – они с интересом обсуждали достоинства и недостатки окраинных московских гипермаркетов. В целом всё соответствовало стандарту ожидаемого. Олег вывел Владимира из состояния скучного и бесцельного созерцания:

– Вы же с Зоей у меня первый раз на даче, – вспомнил он, отложив в сторону шампур. – Пойдёмте внутрь, я покажу вам дом.

Дача Олега, конечно, была больше чем дача в обыденном

среднероссийском представлении этого феномена, но и на загородный дом в новорусском понимании тоже не очень тянула. Это был относительно небольшой уютный каменный домик в два этажа для комфортного летнего отдыха. С застеклённой веранды Владимир и Зоя в сопровождении Олега поднялись сразу по узкой лестнице на второй этаж. Наверху Олег показал две небольшие спальни и тёмную комнату, больше похожую на чулан с низким потолком для наказания провинившихся. Находясь в коридоре, Зоя вдруг услышала звуки пианино. Сначала она подумала, что ей послышалось, но когда звуки после небольшого перерыва повторились, организовав стройную и знакомую мелодию, Зоя обратила на неё внимание Олега.

– У меня внизу пианино, – с гордостью пояснил Олег. – В квартире оно занимало много места, вот я и перевёз его на дачу... А сейчас кто-то из гостей, вероятно, балуется. Пошли, посмотрим, – махнул он рукой.

По узкой винтовой лестнице спустились вниз, в гостиную. В углу, около стола стояло пианино. За явно стареньким музыкальным инструментом, спиной к вошедшим, сидел мужчина который, плавно опуская свои длинные пальцы на чёрно-белые клавиши, наигрывал некую мелодию. И хотя потрёпанные вельветовые джинсы и простая клетчатая рубашка могли ввести в заблуждение, Владимир сразу уже узнал в сидевшем перед ним мужчине коммерческого директора «РосТорга» Эдуарда Рихтера. Олег в своём игривом настроении

созорничал украдкой, показав язык, и на мгновение скрючил кислую физиономию, словно оценивая музыкальные способности шефа. Услышав шум за спиной, Рихтер прекратил играть и обернулся.

– Извините, Эдуард Францевич, помешали, – вежливо и немного заискивающе отметил своё присутствие Олег.

– Наоборот, я рад, что у меня появились слушатели, – немного смущённо откликнулся Рихтер.

– А что это была за музыка, которую вы играли? – спросила Зоя. – Такая знакомая...

– Попробуйте угадать, – улыбнулся Рихтер. – Проверим заодно, насколько хороши мои любительские способности.

Зоя смущённо опустила голову:

– «На прекрасном голубом Дунае» Штрауса?

Рихтер отрицательно покачал головой.

– Похоже на Моцарта, – неожиданно и совершенно опрометчиво выдал свою версию Владимир и тут же пожалел об этом – не стоит проявлять глупую инициативу в областях, в которых ты являешься заведомым профаном.

Рихтер и Зоя почти одновременно и откровенно поморщились, услышав подобное предположение.

– Теперь я понимаю, как мои беспомощные попытки далеки от виртуозного исполнения моего однофамильца. Вообще, я пытался сыграть «Сказки Венского леса», – решительно прекратил гадания Рихтер. – Так что девушка была ближе к правильному ответу... Меня зовут Эдуард. А вас?

– Зоя. – Подруга Владимира немного покраснела.

Они познакомились, и Рихтер даже пожал руку Зои уважительно, по-деловому. Владимир смотрел на это с неловким смущением и волнением – он и не думал, что так нелепо сядет в лужу перед своим высоким руководством, хотя считал себя в какой-то степени эрудированным человеком.

– Однако, что это вы, Эдуард Францевич, тут уединились? – спросил Олег. – Может, всё-таки, шашлыка?

– Ну, что ж, пойдём перекусим, – согласился Рихтер, делая вид, что его уговорили.

На природе Рихтер, сам к тому не стремясь, стал центром круга внимания, организованного гостями. Вёл он себя устало высокомерно, соблюдая необходимую дистанцию, однако это совершенно не спасало от заискивающих улыбок и реплик. Рихтер отвечал снисходительными ухмылками и короткими, ничего не значащими фразами, пил только негазированную воду, а шашлык лишь попробовал, осторожно взяв с шампура маленький кусочек. Единственно с кем он действительно с удовольствием общался, была Зоя. Как ни странно, они нашли общую тему для разговора – это была классическая музыка. Скоро осторожный обмен мнениями перешёл в оживлённое обсуждение. Всегда сумрачный и хмурый Рихтер вдруг преобразился, глаза его заблестели интересом, а кислая усмешка мягко перешла в улыбку заинтересованности. Зое не только удалось нащупать ту тему разговора, которая действительно Рихтеру была интересна, но

и на достаточно высоком уровне оппонировать ему в беседе, показывая незаурядное знание предмета.

Если бы Владимир сам не был свидетелем, как Зоя познакомилась с Рихтером, он бы решил, что она знакома с ним уже давно, настолько со временем их разговор стал непринуждён и прост. Владимир наблюдал за этим прорывом со смесью гордости и недовольства. Он прекрасно понимал, что неформальное общение даже не его, а его подруги с высоким руководством компании сможет помочь ему каким-то образом – Рихтер по крайней мере запомнит его, – но Владимир никак не мог справиться с всё возрастающим чувством ревности, которое изнутри атаковало его, становясь всё сильнее и сильнее.

С дачи Шепеля Владимир и Зоя уехали поздно вечером. Крепко вцепившись в руль, угрюмый Владимир вёл свою «хонду» обратно, в Москву, не спуская глаз с дороги. Зоя сначала молчала, о чём-то раздумывая, потом стала с удовольствием вспоминать события прошедшего дня.

– А ваш Рихтер совсем даже не бука и самодур, как ты его иногда представлял в разговоре, – сказала она с улыбкой. – Очень образованный человек и прекрасно разбирается в классической музыке.

Владимир насупился и стал ещё мрачнее. Зоя заметила это и звонко рассмеялась:

– Глупышка, ты что, меня ревнуешь?

Владимир хмуро сдвинул брови, но Зоя нежно погладила

его волосы на виске.

– Однако этому напыщенному коммерческому директору до тебя всё-таки очень далеко.

Настроение после этих слов улучшилось, на душе стало легче.

Руслан очнулся и открыл глаза – сознание внезапно, словно повинувшись включившемуся где-то в голове рубильнику, вернулось к нему, вырвав из тяжёлого забытья. Он лежал на спине в коридоре своего дома. Кругом было тихо и темно. Руслан попробовал двинуть рукой – она согнулась, поднялась и натолкнулась на стул. Схватившись за его ножку, Руслан стал медленно подниматься. Это было трудно; разлившаяся в теле вялость парализовала мышцы и тянула вниз, отяжелевшая голова с трудом держалась прямо. Руслан боялся снова потерять сознание, поэтому делал всё неспешно и аккуратно, стараясь резким неосторожным движением не опрокинуть себя снова на пол. Скоро он поднялся на колени, потом встал и, опираясь на стену, пошёл по коридору в сторону спальни. Руслан тяжело переставлял ноги, делая остановки и учащённо дыша. Настенные часы показывали девять. Был уже вечер. Руслан провалялся на полу целый день. Он позвал Карину – его голос был слабый и хриплый... Тишина, глубокая, абсолютная тишина в ответ... Это было самое страшное, что Руслан мог сейчас услышать.

Спальня была пуста. Сорванное с кровати и валявшееся

на полу одеяло, разбросанные вещи и перевёрнутая детская кроватка. Руслан беспомощно съехал по стене вниз, им овладело глухое отчаяние, он закусил губу, в бессилии сжав руки в кулаки.

На тумбочке лежал свёрнутая пополам бумага, прижатая мобильным телефоном. Дрожащими руками Руслан развернул листок. Там было написано несколько слов по-русски: «Вы знаете, что нам нужно. Об условиях обмена вам сообщат по телефону». Это всё-таки случилось... Их обнаружили, никакие ухищрения Полуянова не помогли. И теперь всё просто: перстень Соломона в обмен на жизни тех, кто был Руслану всего дороже, а значит, в обмен и на его жизнь...

Руслан, шатаясь, подошёл к домашнему телефону – в нём мог находиться жучок, но это его уже не волновало. Он набрал по памяти длинный номер канадского мобильного телефона, который оставил в свой последний приезд Полуянов, – он в каждый свой приезд сообщал новый телефонный номер и запрещал его куда-либо записывать. Три долгих гудка...

– Да, – откликнулись на другом конце линии.

– Они похитили их, – в мрачном отчаянии только и смог произнести Руслан.

Несколько секунд тишины и прерывистое дыхание в трубке.

– Я буду завтра, ничего не предпринимай и не выходи из дома, – сказал Полуянов и отключился.

Глава 3

Утро понедельника для генерала Костылева опять началось с телефонных звонков, и все они были связаны со смертью швейцарского юриста. Генерал заметно нервничал, ходил хмурый вокруг стола, сцепив за спиной руки. Никогда ранее в его практике не возникало столь нервной и напряжённой ситуации, связанной с рядовым, как казалось сначала, уголовным делом.

– Ну, чего там с этим Келлером? – недовольно буркнул он, когда в его кабинет вошёл Сарычев.

Полковник подробно изложил все известные ему факты. Костылев слушал молча, ходил из стороны в сторону и периодически кивал, бросая угрюмые взгляды на полковника.

– И как думаешь, кто его? – в итоге спросил генерал, когда Сарычев закончил свой доклад, и тут же уточнил то, что имел в виду своим вопросом: – Заказ или ограбление?

– Сейчас об этом трудно говорить. – Сарычев неопределённо пожал плечами. – Мы проводим все необходимые следственные мероприятия...

– Ваня, мне нужны результаты, – не дослушав своего подчинённого, резко перебил Костылев, – очень быстро нужны результаты. Я не знаю, кем был этот Келлер, но его гибель разворошило осиное гнездо. По этому поводу по негласным каналам МИДа и разведки уже обращались не только пер-

вые лица Швейцарской Конфедерации, но и важные люди из Госдепартамента США, руководящих структур Европейского Союза, ООН и отдельных государств... Такое впечатление, что Келлер был, если уж не главой государства, то министром в каком-нибудь правительстве во всяком случае! – в сердцах воскликнул генерал, нервно поведя шеей, а потом задумчиво добавил: – А ведь он был всего лишь одним из многих швейцарских адвокатов.

– Без полной информации о тех делах, которыми занимался Келлер, мы вряд ли сможем расследовать это убийство, – с сомнением вставил Сарычев.

– Об этом можешь забыть! – категорично отреагировал Костылев. – Нас к нему так близко не подпустят.

– Тогда что же мы можем сделать? – развёл руками Сарычев.

Генерал помолчал, сосредоточенно, словно стараясь стереть невидимую засохшую грязь, поскрёб ногтём подставку настольной лампы.

– А может, это всё-таки было ограбление? – не понятно, то ли с надеждой, то ли с рекомендацией, спросил Костылев и прямо посмотрел в глаза Сарычева.

Полковник тоже выдержал паузу, а потом как-то туманно ответил, имитируя догадливость либо, наоборот, несообразительность, или пытаясь за неопределённой фразой скрыть свои истинные мысли:

– Всё возможно.

— Ну, а раз «всё возможно», — генерал расценил ответ подчинённого, как готовность следовать его пожеланиям, — значит, нам нужны быстрые результаты. — Костылев сплёл пальцы рук в замок и сказал, как будто вспомнив нечто важное: — И вот ещё что... Есть два момента, связанных с этой темой. Во-первых, необходимо исключить любую публичную огласку этого дела и хода следствия. А, во-вторых, у тебя будет помощник... из Интерпола.

— Но... — удивлённый последней новостью, хотел было протестовать Сарычев.

— Это не обсуждается.

— Но наши законы и практика... — продолжал настаивать Сарычев.

— Это не обсуждается, — более категорично повторил генерал и прибавил разочарованно, словно оправдываясь: — Вань, я сам был против. — Костылев виновато вздохнул. — Одна немаловажная деталь: наш западный друг должен иметь беспрепятственный доступ ко всем материалам дела, но не имеет права проводить самостоятельное расследование. Присматривай за ним.

Генерал связался с приёмной по громкой связи и сказал:

— Пусть господин Кристенсен зайдёт.

В кабинет быстро вошёл высокий, крупный мужчина лет пятидесяти в светлом дорогом костюме. Абсолютно лысый загорелый череп резко контрастировал с его пышными чёрными усами, которые не могли скрыть широкую, неподвиж-

ную, словно приклеенную к лицу, белозубую улыбку. Генерал Костылев представил полковника ФСБ и сотрудника Интерпола друг другу по-русски. Кристенсен стремительно подошёл к Сарычеву и крепко пожал ему руку. Сарычев в ответ одарил его тусклым недоверчивым взглядом.

– Очень рад нашему знакомству, – немного растягивая русские слова, дружелюбно проговорил Кристенсен, благодаря преимуществу своего роста с откровенным и смелым любопытством взглянув на полковника сверху вниз.

Сарычев буркнул что-то в качестве приветствия в ответ, совсем не желая скрывать свои недовольство и удивление появлением столь загадочного помощника.

– Иван Прокофьевич, – Костылев перешёл на официальный тон, – господин Томас Кристенсен направлен в Москву центральным, Лионским офисом Интерпола и будет участвовать в расследовании убийства Келлера. Просьба организовать все условия для работы и ввести в курс дела.

– Я думал, Интерпол в основном занимается информационным обменом, – с сомнением сказал Сарычев.

– В основном, да, – подтвердил Кристенсен и широко улыбнулся, больше ничего не добавив к своим словам.

– Ну, ладно, – Костылев посчитал свою задачу на текущий момент выполненной и сделал вид, что его ждут другие важные дела, – я вас больше не задерживаю. – Далее последовало совсем дежурное замечание, в котором Сарычев услышал очередной повтор генеральского пожелания: – Надеюсь,

ваше плодотворное сотрудничество приведёт к быстрым результатам.

Сарычев и Кристенсен вошли в кабинет полковника. Сотрудник Интерпола по-хозяйски устроился на небольшом диване, стоявшем в углу, и закинул ногу на ногу.

– Вы же не первый раз в Москве? – спросил Сарычев чтобы как-то начать разговор.

– Конечно, не первый, – ответил Кристенсен. – Я учился в Москве в своё время, в Университете дружбы народов. Раньше в Москве обучалось немало студентов из ГДР.

– Ваша фамилия не похожа на немецкую.

Кристенсен рассмеялся.

– Я типичный европеец. Моя мама – немка, а отец – датчанин, но родился и вырос я в Восточной Германии.

– Что ж, перейдём к делу. – Сарычев достал из сейфа папку с копиями документов и протянул её сотруднику Интерпола. – Здесь, господин Кристенсен, всё, что мы успели узнать на настоящий момент о последних часах жизни адвоката Келлера.

– Томас... Зовите меня Томас, – сказал восточно-германский датчанин и погрузился в чтение бумаг.

Сарычев не успел докурить сигарету ожидания, когда Кристенсен уже отложил папку в сторону и стал задумчиво рассматривать пол.

– Зелёный «фольксваген» так и не нашли? – спросил Кристенсен, не поднимая глаз.

– Пока нет, господ... Томас, – поправился Сарычев, вспомнив о просьбе Кристенсена.

– Возможно, всё окажется намного проще, – негромко сказал сотрудник Интерпола.

Машинальное движение руки, и дымящаяся ещё сигарета Сарычева была смята и утонула в серой пепельнице, заполненной маленькими раздавленными окурками. Лицо полковника сосредоточенно замерло.

– Вам известно что-то конкретное?

– Да, мы успели навести необходимые справки о том, чем занимался Келлер в последний перед поездкой день, – объяснил Кристенсен.

Сарычев вытащил из пачки ещё одну сигарету и по привычке аккуратно стал мять её пальцами.

– Ещё в пятницу по словам его сотрудников и секретаря Келлер не собирался никуда уезжать из Швейцарии, – продолжил Кристенсен. – Но вечером ему позвонили из Москвы, и он срочно решил лететь.

– Кто ему позвонил? – нетерпеливо вырвалось у Сарычева.

– Некто Пахомов... Константин Павлович. – Кристенсен многозначительно посмотрел на полковника.

Сарычев непроизвольно крепко сжал пальцы, и сигарета рассыпалась в его руках. Это не осталось незамеченным Кристенсеном, который внимательно наблюдал за реакцией полковника на его слова. Сарычев выбросил сигарету и

вытер руки платком. Знакомое имя заставило полковника занервничать. Память вытащила на свет события, которые произошли три года назад. Тогда генерал Пахомов не просто откровенно подставил Сарычева, сделав разменной пешкой в своей тайной и подлой игре, он предал своих товарищей по службе, а это, по мысли полковника, было самым страшным преступлением. Когда генерал по непонятным для многих причинам отделался всего лишь увольнением со службы, некоторые горячие головы предлагали самостоятельно разобраться с ним. Тогда Сарычев их остановил, но теперь у него появилась законная возможность восстановить справедливость...

– Этот человек вам знаком? – Вопрос Кристенсена заставил задумавшегося полковника посмотреть на сотрудника Интерпола.

– Да, этот человек когда-то служил в ФСБ, – ответил Сарычев.

– Вы знаете, как его найти?

Сарычев улыбнулся:

– Конечно.

В понедельник во второй половине дня офис компании «РосТорг» представлял собой странное и удивительное зрелище. Стоянка автомобилей перед зданием была закрыта, а выезд перегорожен автобусом с серыми шторками – никто не мог ни выехать, ни въехать на парковку, где хозяйнича-

ли вооружённые автоматами ребята в чёрной форме с белыми надписями на спине «ФСБ». Сотрудники офиса облепили окна и с нескрываемым интересом наблюдали, как двое людей в штатском внимательно осмотрели все машины, стоявшие на стоянке и опечатали неприметный старый зелёный «фольксваген», принадлежавший одному из сотрудников службы безопасности компании.

На входе в здание место обычной и предупредительной охраны в костюмах заняли всё те же суровые ребята в чёрной форме с автоматами, лица которых были скрыты под масками, — они проверяли документы всех входивших и выходивших, решая по своему, неведомому другим, усмотрению, кого можно впустить или выпустить, а кого — нет.

Работа в офисе остановилась. Одна часть сотрудников «РосТорга» стояла у окон, стараясь не пропустить детали развёртывавшегося у них на глазах шоу, другая образовывала небольшие группки в курилках и кабинетах, которые с волнением вполголоса обсуждали случившиеся. Как и следовало ожидать, было неприкрытое беспокойство, много слухов и тревожное ожидание продолжения.

— Они к Пахомову, — шептали в углу информированные сотрудники.

— А может?..

— Нет, нет, только к нему. Ни президент, ни директора их не интересуют, это точно.

— Говорят, заказ, — говорил один.

– А я слышал, это связано с его старыми делами, — отвечал ему вполголоса другой.

Владимир Китаев с любопытством наблюдал за тем, как неторопливо прохаживались сотрудники ФСБ по автостоянке, подозрительно посматривая по сторонам.

– Нашей Лисе сегодня напрочь испортили настроение, — заметил с ехидцей подошедший к Владимиру Олег Шепель.

– Это серьёзно? — обеспокоенно спросил Владимир.

Олег пожал плечами.

– Думаю, да. Однако подозреваю, компания тут не при чём. Главное, чтобы это по ней не ударило.

Кабинет вице-президента компании Пахомова был блокирован, дверь охраняли люди с оружием, которым было строго-настрого приказано никого не пропускать и никого не выпускать из кабинета, кроме руководителей проходившей операции. Внутри кабинета хозяйничали оперативники ФСБ и следователь прокуратуры. Пахомов, державшийся абсолютно спокойно и уверенно, сидел в своём кресле, безучастно наблюдая, как сотрудники ФСБ перетряхивали папки с документами и изучали содержимое его сейфа. Полковник Сарычев сидел за длинным приставным столом и курил, стряхивая пепел в дорогую китайскую вазу — подарок одного крупного банка Пахомову на день рождения.

– Зря ты всё это затеял, — проговорил наконец хранивший до этого молчание Пахомов, обращаясь к полковнику. — Не по адресу ты.

Сарычев бросил на своего бывшего начальника выразительный взгляд и ничего не ответил, пустив изо рта густой клуб сигаретного дыма.

– Ты ничего не найдёшь, потому что я абсолютно чист, а по шапке получишь обязательно, – пообещал Пахомов и посмотрел на высокого усатого иностранца, который, скрестив руки, стоял в углу кабинета и с интересом наблюдал за обыском. – Интерпол ещё зачем-то приплели, – зло и недоумённо пробормотал вице-президент и отвернулся, уставившись в окно.

Обыск кабинета Пахомова ничего конкретного не дал. Сарычев в общем-то и не надеялся на скорый результат. Он ждал и тянул время, заставляя своих сотрудников ещё и ещё раз пересматривать и копировать уже проверенные документы. Прокурор, санкционировавший сегодня обыск, должен был вынести постановление и на задержание вице-президента, но последнее почему-то всё время откладывалось. Пахомов же наотрез отказывался о чём-либо говорить, просто игнорируя вопросы про Келлера и отвечая, что разговаривать со следователем он будет только в присутствии адвоката и только тогда, когда его как честного и законопослушного человека вызовут в прокуратуру повесткой в качестве свидетеля.

– Этот цирк ещё долго будет продолжаться? – устало спросил Пахомов, демонстративно посмотрев на часы.

– Константин Павлович, я очередной раз предлагаю вам

добровольно и подробно рассказать о ваших отношениях с господином Келлером, – сказал Сарычев. – О чём вы говорили с ним в пятницу? Где и когда должны были встретиться в Москве?

– Вань, прекрати заниматься ерундой, – свысока своего бывшего положения снисходительно сказал Пахомов, брезгливо поморщившись. – Это мои личные дела. Я буду говорить об этом только со следователем в присутствии адвоката и только тогда, когда меня вызовут к нему повесткой.

– Ну что ж, поищем ещё.

– Вань, это что? Мечь?

– В Москве убили человека, и главный подозреваемый в этом уголовном деле вы, Константин Павлович.

– Вздор! – в сердцах воскликнул бывший генерал.

Сарычев заёрзал на стуле, сжал кулаки под столом. Вздор, значит! Ну, я ещё не забыл ни Алексея, ни Бурята, жизнями которых ты с лёгкостью пожертвовал ради денег! Полковник с трудом скрывал под маской сухой справедливости охватившую его ярость.

– Рома, – сказал он одному из своих сотрудников, – проверь компьютер Константина Павловича на предмет интересующих нас данных. Попробуй восстановить в его электронной почте удалённые недавно файлы.

Рома попросил вице-президента уступить ему своё рабочее место, тот молча повиновался, пересев на диван около окна. Минут десять сосредоточенных поисков в густой на-

пряжённой тишине ожидания, и затем Рома выдал удовлетворённое:

– Готово! Я восстановил электронную почту четверга и пятницы.

Сарычев подошёл к столу и заглянул в монитор. Перед глазами мелькали всевозможные сообщения служебного и частного характера. Текстовые файлы (распоряжения и приказы), таблички, опять текстовые файлы (на этот раз анекдоты – генерал всегда жаловал этот жанр), фотография каких-то друзей с пивом и шашлыком, опять таблички, вопросы, ответы, снова фотографии, опять письмо... Стоп. Вернёмся к последним фотографиям. Перед глазами пролетала подборка каких-то странных фото южной тропической страны. Старые дома колониального карибского стиля, отели, пальмы, солнце, незнакомые загорелые лица с неприменной белозубой улыбкой. «Куба», – с видом знатока заметил Рома. Пахомов, до этого откровенно демонстрировавший своё недовольство и злость вздохами, взглядами, движением и шуршанием, в определённый момент замер, показательно уставившись в угол комнаты и теребя подушку дивана. «Что-то совсем не то», – на некотором этапе просматривания подумал Сарычев. Полковник автоматически продолжал разглядывать фотографии, не отводя глаз от экрана монитора, но желая уже, чтобы они поскорее закончились. Но зачем он это удалил? Давай, Рома, крути назад... Стоп, стоп! Это было похоже на кратковременный, но силь-

ный удар... Да, это были они! Руслан Кондратьев и Карина Станкевич на заднем плане неприметной туристической фотографии в Гаване. Сарычев не мог ошибиться. Это были они! Кто отправитель файла? Безликое «СБ» по почте внутренней сети компании. Наверное, это электронная почта местной службы безопасности, к которой теоретически имеют доступ несколько человек, а потенциально – весь офис... Сарычев посмотрел на Пахомова. Генерал сразу понял, что они всё-таки нашли эту фотографию и, скрестив на груди руки, невидящим взглядом упёрся в стену напротив. Теперь он точно будет молчать.

Сарычев совсем не ожидал увидеть эти лица из прошлого. Он озадаченно поглядел на Пахомова, потом снова на фотографию. Три года назад знакомство с Русланом самым кардинальным образом изменило жизнь Сарычева, испытав её на прочность. То странное дело, начавшееся с поисков вернувшегося в Москву беглого советского историка Полуянова, закончилось неожиданным предательством генерала Пахомова и удивительным никчёмным призом для победителей в виде битого зелёного стекла в оправе из серебра, в котором все, словно загипнотизированные, хотели увидеть мифический перстень Соломона. Пузырь мистификации лопнул, как только «перстень» был обнаружен. Дело с несколькими смертями было поспешно закрыто и передано в архив – никто не хотел убийственных разоблачений непонятной фантастической коллективной мании, одурманившей многим сознание.

Полуянов и его дочь Карина исчезли. Некоторое время Руслана и родственников Полуянова ещё держали под негласным наблюдением, но это были уже затихающие круги на поверхности воды, когда камень произошедшего уже благополучно сгинул на дне водоёма. Полуянов появился через девять месяцев абсолютно внезапно, явился к Сарычеву и попросил временной защиты – он боялся вновь попасть в поле зрения загадочных заказчиков «перстня». Полуянов обещал даже заплатить, полковник отказался, – ведь совсем не это определило согласие Сарычева, а данное когда-то слово чести. Можно было, конечно, сказать, что заключённая когда-то договорённость о кооперации уже давно прекратила своё действие, но полковник посчитал неблагородным со своей стороны отказать мнительному историку, которому он когда-то обещал свободу и содействие. Сотрудники Сарычева тогда так и не обнаружили внешнюю слежку за Полуяновым. Да её и быть не могло, Сарычев был уверен, что запутанная игра в тайну закончилась фиаско, получившим яркое физическое воплощение в линии трещины на изумрудного цвета стекляшке. Таким был финал печальной истории, и оставшимся за кадром непонятным заказчикам нечего было больше искать. Повторное появление Полуянова в Москве было очень кратковременным. Через два дня он исчез так же неожиданно и бесследно, как и в первый раз. И на этот раз он уехал не один – увёз с собой Руслана. Сарычев сначала недоумевал, зачем нужен был этот спектакль с появле-

ем, просьбой об охране и очередным исчезновением. Но со временем полковник уже перестал пытаться разгадать мотивы таинственных поступков беглого историка. Странная игра была для него закончена, и он почти забыл давнюю историю и её участников.

Он-то забыл, а вот Пахомов, оказывается, нет... Неужели Пахомов знает что-то, что скрыто от других, или это очередное буйство мистической фантазии? А может, вновь появились таинственные заказчики?

Фотография Руслана и Карины... Значит, генерал их искал. Искал и нашёл. Нашёл в пятницу. И в пятницу же позвонил Келлеру. Но неужели старая забытая история получила продолжение?..

Медленно вышагивая и сдвинув брови домиком, Сарычев прошёлся по кабинету.

– Чьи это кубинские фотографии? – спросил он у Пахомова.

Тот промолчал, лишь раздражённо взглянув на полковника. Окончательно стало понятно, что из него сегодня больше не вытянешь ни слова.

К Сарычеву подошёл следователь прокуратуры и, потянув его незаметно за рукав, шёпотом попросил выйти в коридор.

– Постановления на задержание не будет, – сказал он, как только они оказались вне кабинета. – И вообще мне сказали, как можно быстрее убираться из «РосТорга».

– Что изменилось? – удивлённо спросил Сарычев.

Следователь пожал плечами.

– Объективно говоря, у нас нет против Пахомова никаких улик. Да и вряд ли он, действительно, замешан в этом убийстве.

– Он был связан с Келлером. Адвокат специально приехал в Москву, чтобы встретиться с Пахомовым.

– И что из того? – скептическиотреагировалследователь. – Я убежден, Пахомов тут не при чём. Скорее, это всётаки банальное ограбление. Келлеру просто не повезло...

– Тебе не нужно разрешение сверху, чтобы задержать Пахомова на сорок восемь часов, – продолжал настаивать Сарычев.

– У нас нет никаких улик, – повторилследователь.

– А «фольксваген»? У одного из сотрудников охраны есть зелёный «фольксваген».

– Мы проверили машину и её владельца. Во-первых, в выходные он был на даче вместе со своей машиной – а это сто километров от Москвы; у него есть многочисленные свидетели. А во-вторых, машина сотрудника службы безопасности – седан, а работники отеля и таксисты видели универсал. – Следователь вздохнул обречённо. – Иван Прокофьевич, – решительно произнёс он, – у нас ничего нет на Пахомова. Надо сворачиваться.

Это было похоже на отступление, поспешное и неорганизованное. Проинструктированный кем-то сверхуследователь прокуратуры запретил что-либо изымать из кабинета

Пахомова, он суетился, поторапливая сотрудников ФСБ покинуть помещение. Пахомов и не пытался скрывать своей торжествующей ухмылки, когда оперативники покидали его кабинет.

– Рад был увидеть тебя живым и здоровым, – сказал он Сарычеву, когда тот уже стоял в дверях.

Полковник быстро и резко схватил Пахомова за лацканы пиджака и прижал его к стене. Это произошло так молниеносно, что следователь, стоявший рядом, не успел предотвратить это стремительное движение. Треснула ткань дорожного костюма.

– Я тоже рад был вас увидеть, Константин Павлович, – тихо сказал Сарычев. – И будьте уверены, я о вас никогда не забуду. Память о Лёше и Буряте не даст мне это сделать. – Сарычев отпустил пиджак Пахомова, издевательски поправив его смятый лацкан. – До встречи, – сказал он и сильно хлопнул по плечу своего бывшего начальника.

Битва была проиграна. Битва, но не война – в этом Сарычев был уверен и надеялся на реванш. Полковник не сомневался, что Пахомов имеет отношение к делу Келлера. Был ли он заказчиком убийства или имел опосредованное отношение к гибели швейцарского адвоката – как бы там ни было, бывший генерал что-то скрывал и то, что он скрывал, было связано с событиями трёхлетней давности, которые необычным образом оказались соединены со смертью швейцарского адвоката в Москве. Сарычев уже прочувствовал эту тонкую

ниточку, но всё что у него сейчас было – это одна фотография, где случайным образом на заднем плане оказались его старые знакомые: Руслан Кондратьев и Карина Станкевич.

– Как вы думаете, Пахомов причастен к убийству? – спросил Кристенсен Сарычева, когда они вернулись вечером в кабинет полковника.

– Я не знаю, – был короткий и вполне откровенный ответ.

– Что за фотографии вы обнаружили у Пахомова?

– Одних наших общих знакомых, – неопределенно ответил Сарычев, не желая раскрывать свои подозрения. – Полагаю, к нашему делу это не имеет отношения.

– Вы уверены? – Кристенсен не поверил полковнику; в его вопросе звучало не просто сомнение, а вполне открытая убежденность, что полковник хочет что-то скрыть от него.

Полковник не успел ответить, чем спас себя от необходимости врать – зазвонил телефон. Это был раздражённый, если не сказать разозлённый, Костылев, который срочно вызвал Сарычева к себе, одного.

Генерал был угрюм и немногословен. Это точно не предвещало ничего хорошего. Сарычев знал, что это было затишьем перед бурей, которая с необходимостью должна была вот-вот разразиться.

– Вы новости по телевидению сегодня смотрели? – мрачный, словно туча перед грозой, спросил генерал Сарычева, перейдя на «вы».

– Ещё нет, – ответил полковник.

– Посмотрите, о-очень интересно, – с нескрываемым сарказмом буркнул Костылев. – Об обыске в офисе «РосТорг» рассказывают на всех каналах. Ваши физиономии в масках выглядят на экранах очень колоритно... Комментарий везде один: это был неудавшийся наезд спецслужб на уважаемую компанию. Президент «РосТорга» Лев Осокин засветился везде, где только мог. Если бы я не знал предысторию этого дела, я бы решил, что «РосТорг» сам заказал обыск, чтобы вывалить потом нас в грязи.

– Мы должны были задержать Пахомова, но следователь прокуратуры так и не решился это сделать. Нам ничего не оставалось, как убраться ни с чем.

– Это что за театр?! – взорвался генерал. – Почему вы, – Костылев всегда акцентировано обращался на «вы» к Сарычеву, когда был сильно зол на него, – почему вы допустили это?! Нас унизили, выгнали как нашкодивших котят! Теперь всякий будет думать, что можно так просто выставить за дверь сотрудников ФСБ!

Полковник молчал и ждал, когда уляжется буря, чтобы вступить за себя и своих коллег. Генерал бушевал на этот раз совсем недолго. Выпустив пар, он, уставший от возмущения, сел в кресло и бросил на стол карандаш, который, неудачно ударившись о столешницу, сломал остро отточенный грифель.

– Товарищ генерал, наше появление в офисе компании «РосТорг» было не совсем напрасным, – сказал Сарычев, ко-

гда в наступившую минуту затишья появилась возможность что-то спокойно объяснить. – Я убежден, что Пахомов имеет отношение к делу Келлера.

– Это он заказал адвоката? – нахмурившись, напрямую спросил Костылев.

Сарычев пожал плечами.

– Этого я сказать с уверенностью сейчас не могу.

– Так какого... – генерал быстро встал из-за стола, – вы полезли в этот «РосТорг»?! – Костылев, закинув руки за спину, стал нервно вымеривать кабинет шагами.

– Нам необходимо было оперативно проверить имевшуюся информацию.

– Вы что-нибудь нашли?!

Сарычев замялся.

– Есть одна фотография...

– Чья?

– Фото Руслана Кондратьева и Карины Станкевич.

Костылев остановился и с интересом посмотрел на полковника.

– Те самые? – удивлённо спросил он.

– Да.

Генерал восстановил в памяти события трёхлетней давности, когда необъяснимая игра в тайну несуществующей древней реликвии сделало возможным сотрудничество генерала ФСБ Пахомова и бывшего агента ЦРУ Бартли, результатом которого стали несколько смертей и лопнувший пузырь ми-

стики.

– Так ты думаешь, что убийство Келлера связано с теми странными делами? – спросил Костылев.

– Я не уверен в этом, но это удивительное совпадение... В пятницу Пахомов получил фотографию Кондратьева и Станкевич, а потом сразу же позвонил Келлеру и вызвал его в Москву.

– То есть, получается, что Пахомов так и не успокоился и продолжил свои тайные поиски?

– Получается, так.

Костылев озадаченно хмыкнул и почесал подбородок.

– Но ведь то «дело Полуянова» было откровенной пустышкой? – с подозрением и надеждой спросил он.

– Да, – согласно подтвердил Сарычев. – Пахомов стал жертвой фантастических идей Бартли и Полуянова и не справился со своей жадностью. След древней реликвии, за которой все гонялись, привёл в тупик.

– Но Бартли ведь на кого-то работал. Кто были эти люди?

– Мы так и не смогли установить заказчиков.

– И вот спустя несколько лет Пахомов снова принялся за старое?

– Очевидно, да.

Костылев резко махнул рукой, отбросив все попытки дальнейших выяснений.

– Чертовщина какая-то, – недовольно буркнул он, помолчал, а потом, как ему показалось, принял единственно пра-

вильное решение: – Значит, указания мои будут такие. Во-первых, Пахомова в открытую пока больше не трогаешь – ещё один промах, и нам с тобой голову оторвут! Но негласное наблюдение не снимаешь – посмотрим, что он будет делать. Во-вторых, максимально активизируешь поиски машины и разрабатываешь другие версии убийства. И результаты, мне нужны результаты! – словно требовательный тренер, обращающийся к своему подопечному, прибавил генерал, призывно тряс указательным пальцем.

Уже в дверях Костылев движением руки остановил Сарычева и, подойдя ближе, тихо спросил, с беспокойством заглядывая в глаза:

– Ты уверен, что этой странной штучки, этого перстня Соломона у Полуянова нет?

– Да, уверен, – после непродолжительной паузы ответил полковник.

Но сказано это было, наверное, не очень категорично, потому что генерал уловил в голосе Сарычева некоторое сомнение и проводил его долгим подозрительным взглядом.

Вернуться в свой кабинет полковник не успел. Когда он был уже в коридоре, на мобильный телефон позвонил Травкин. Он был явно чем-то доволен:

– Как с рыбалкой, Ваня?

Сарычев остановился посреди коридора.

– Ты что-то узнал? – спросил он с надеждой.

– Но я без повода не позвоню, ты же знаешь, – бодро за-

явил Травкин. – Можешь закрывать дело. Нашли мы твоих отморозков. Давай через полчаса встретимся. Записывай адрес: следственный изолятор «Матросская Тишина».

Глава 4

Сарычеву понадобилось не более двадцати минут, чтобы добраться до тюрьмы на улице Матросская Тишина. С собой он взял майора Коваленко и Кристенсена. От последнего, прикомандированного начальством со строгим указанием всяческого ему содействия, не было уже никакой возможности отделаться.

Сразу за проходной Сарычева со свитой встретил полковник Травкин. Широкая, немного самодовольная и горделивая улыбка. Травкин был откровенно рад, что так быстро и эффектно, а не просто эффективно, смог решить задачку своего приятеля из ФСБ. Ну, кто теперь скажет, что московская милиция не умеет решать оперативные и сложные дела? Полминуты Травкин, выдерживая театральную паузу, с удовольствием наблюдал за тем, как абсолютно заинтригованный Сарычев пытался по выражению деланно равнодушных глаз угадать, что же всё-таки произошло.

– Ладно, не томи, рассказывай, – нетерпеливо бросил полковник ФСБ своему приятелю.

Травкин выразительно посмотрел на Кристенсена, в котором он сразу определил представителя Запада.

– Томас Кристенсен, сотрудник Интерпола, – представил того Сарычев. – Его можешь не стесняться.

– Хорошо, – Травкин махнул головой в направлении кор-

пуса, – пошли, по дороге всё и расскажу.

Компания зашла в здание СИЗО.

– Считай, что убийц этого Келлера мы нашли, – сказал Травкин.

– И кто же они? – Сарычев не мог скрыть своего удивления.

– Это работа Сони.

– Какой Сони?

– Не какой, а какого, – поправил Травкин. – Соня, Василий Королёв, пару лет назад со своей бригадой работал на Маугли... Ну, ты должен помнить Маугли, Сидоренкова. Его ещё год назад в машине взорвали в Подмосковье.

Сарычев кивнул.

– Соня с Маугли тогда что-то не поделил, – продолжил Травкин. – Соня ушёл в свободное плавание, пытался крышевать некоторые точки на юге Москвы. Но ты понимаешь, сейчас уже не девяностые. Ему это популярно объяснили. На время он исчез из Москвы. Но с месяц назад прошла серия заказных убийств. РУБОП получил информацию, что так Соня отметил своё возвращение в Москву. Он сколотил новую бригаду и стал принимать заказы. Вчера мы получили достоверную наводочку на место, где он скрывался. С утра тёпленьким мы его и взяли на съёмной квартире.

– Одного? – спросил Сарычев.

– Одного, – подтвердил Травкин. – Сейчас пытаемся разыскать всех его подельников. И это только дело време-

ни, – убеждённо сказал полковник милиции.

– Если я правильно понимаю, Соня и был, по твоей версии, тем исполнителем, который убил Келлера, – поспешил озвучить свою догадку Сарычев.

Травкин широко улыбнулся, безмолвно подтверждая сказанное.

– И чтобы это утверждать есть серьёзные основания? – с нескрываемым сомнением поинтересовался Сарычев.

– Более чем, – с абсолютной уверенностью ответил Травкин. – В квартире, где скрывался Соня, оперативники нашли фотографию Келлера и пистолет «ПМ», из которого, предположительно, и было совершено убийство.

– Баллистическая экспертиза? – Сарычев заметно заволновался.

– Проводится, скоро будут известны результаты.

– Что говорит сам Соня?

Травкин опять улыбнулся:

– Почётное право получить первое признание мы хотели предоставить тебе.

Соня, Василий Королёв, был среднего роста, худым, сутулым мужчиной лет тридцати. Редкие, светлые волосы, неспешные, немного заторможенные движения – торопиться ему уже было некуда – и глухая волчья злоба в глазах. Соня, доставленный в камеру для допроса, покорно сел на стул, прикрученный к полу, и, сцепив пальцы рук, оглядел досад-

ливым, усталым и одновременно настороженным взглядом представительную компанию из правоохранительных органов, которая собралась сегодня, чтобы его допросить. Бледное лицо Сони с правой стороны заметно припухло и покраснело. Обжигающая боль не давал ему покоя – он то и дело медленно подносил руку к вздутой щеке, ощупывая расплывающийся по скуле огромный синяк.

В камере было многолюдно. Кроме следователя столичной прокуратуры, ведущего уголовное дело Василия Королёва, в маленьком и тёмном помещении находились Травкин, Сарычев, Кристенсен и майор Коваленко.

– Чья это фотография? – Следователь выложил на стол фотокарточку Келлера, обнаруженную в квартире Сони при задержании.

Соня обречённо выдохнул и отвёл взгляд – озлобленный, уставший. Всё-таки попался, тоскливо подумал он. А там по цепочке вытянут и остальное. И теперь всё... Но ведь кто-то же сдал. Кто?..

– Мы будем сегодня говорить? – спросил следователь, внимательно разглядывая лицо Сони.

Соня раздумывал. Потянуть время? Поиграть в молчанку? А дальше что? У них все козыри на руках: фотография, пистолет... И зачем только он влез в это чёртово дело?! А всё должно было быть чисто, красиво и без лишней крови. Эх, если бы он знал, кто его сдал!.. Соня непроизвольно, в бессильной ярости сжал зубы – острая боль резко ударила

его в правую часть челюсти, и он зло замычал, схватившись рукой за щеку.

– Что, зубки болят? – ехидно спросил Травкин.

Соня искоса посмотрел на него.

– Мне нужен стоматолог, – немного пришепётывая, про- бурчал Соня. – Вы мне зубы сломали.

– Не надо врать, никто тебя не трогал, – заметил на это Травкин.

– Слышь, Европа, – сказал Соня, обращаясь к Кристенсену, в котором он сразу признал благородного представителя демократического субконтинента, – они мне зубы сломали при задержании. Мне доктор нужен.

Кристенсен вопросительно посмотрел на Травкина. Тот пожал плечами.

– Упал неудачно, – пояснил он.

– Какой упал?! – откровенно возмутился Соня, делая слабую попытку покачать права в присутствии представителя Интерпола. – Они меня конкретно отделали!

– Руки, ноги ещё целы? Их тебе не ломали? – мягко спросил Сарычев, до последнего момента молчаливо маячивший за спинами Травкина и следователя прокуратуры, а теперь вышедший на первый план. – А то ведь всякое бывает.

Соня застыл, пытаясь правильно оценить ситуацию. Угроз он не боялся, он хотел принять верное решение. «Этот будет за старшего, – рассудил он. – Договариваться надо только с ним».

– Итак, Василий Королёв, нас интересует всё, что связано с человеком на фотографии, – сказал Сарычев.

– Я не убивал, – сразу откликнулся Соня.

– Кого ты не убивал?

– Ну, этого с фотографии, швейцарца. – Соня показал пальцем на фотокарточку.

– А кто же его убил?

– Жук его убил.

– Какой такой Жук?

– Лёша Жук.

– Это фамилия или кличка?

– Не уверен, что это фамилия. Но все его звали именно так – Лёша Жук. Он работал со мной.

– Где он сейчас находится?

Соня неопределённо пожал плечами:

– Он ушёл вчера вечером из квартиры и больше не появлялся. А утром меня уже ваши ребята взяли.

– Хорошо. Давай рассказывай всё, как было, по порядку и поподробнее.

– Ну, – деловито промычал Соня, – наша задача была простая. Мы должны были взять швейцарца и отвезти его за город, там подержать несколько дней. А потом вопрос должен был решиться деньгами.

– Выкупом?

– Ну, да, – кивнул Соня. – Никакой мокрухи и не планировалось. Но всё как-то неудачно сложилось. Этот швейцарец

стал сопротивляться в машине, а Жук попытался его утихомирить. Ударил его стволом пистолета в грудь – козёл! – а предохранитель был снят. Ну, и завалил его, дурак...

Сарычев прошёлся по камере.

– Кто заказчик?

Соня опустил голову и молчал, ковыряя свои чёрные от грязи ногти.

– Если ты сейчас решаешь, кто страшнее – твой заказчик или я, могу тебя уверить: сейчас страшнее меня для тебя никого нет, – сказал Сарычев.

Но Соня уже и не сопротивлялся. Сказал «а», говори и «б» – чего уж тут!

– Мне бы камеру отдельную... – жалобно заскулил он.

– Говори. – Сарычев должен был додавить уже размякшего и растерявшегося бандита.

Соня тяжело вздохнул, чувствуя, что, возможно, совершает непоправимую ошибку:

– Кореец.

– Какой кореец? – переспросил Сарычев.

– Это кличка, – пояснил Травкин и спросил Соню: – Ты Нестора Пака имеешь в виду?

Соня обречённо кивнул. Травкин, не удержавшись, изумлённо присвистнул.

– Отдаём красавца тебе, возьми у него подробные показания, – сказал Травкин следователю, а сам потянул Сарычева к выходу.

Когда они оказались в коридоре, а дверь в камеру была закрыта, Сарычев сразу спросил полковника милиции:

– Кто такой этот Пак?

– Вор в законе. Смотрящий в одном небольшом подмосковном городке. Последние несколько лет ведёт себя очень тихо, ни в каких разборках замечен не был – возраст уже не тот, семьдесят лет всё-таки... А вообще вы должны знать о нём побольше нашего, – вдруг заметил Травкин.

– На что ты намекаешь? – удивился Сарычев.

– Говорят, – Травкин сделал паузу, – он с вашими органами всю жизнь был в очень неплохих отношениях.

– Это кто говорит? – недовольно спросил Сарычев.

Травкин хитро прищурился и ухмыльнулся:

– Многие.

– Скажи мне ещё одну вещь. – Сарычев достал из кармана пачку сигарет, вытащил из неё одну и закурил. – Кто сдал вам этого Соню?

– Вообще-то, это наша оперативная тайна... – слегка язвительно промолвил Травкин, бесцеремонным образом угостив себя самостоятельно сигаретой Сарычева, которая ловко была выужена у того из пачки. – Но тебе по секрету, конечно, открою. Это тот самый Жук, о котором говорил Соня.

– Неужели сам пришёл с повинной? – с сомнением поинтересовался Сарычев.

– Сам. – Травкин уверенно кивнул. – Только вот насчёт убийства показания их расходятся. Жук утверждает, что это

Соня Келлера убил, а не он.

– Ну, вот что, моя дорогая милиция, – Сарычев похлопал Травкина по плечу, – сегодня же этого Соню и его друга Жука мы переводим в Лефортово, а дело их объединяем с делом об убийстве Келлера.

Травкин совсем даже не возражал, а только скромно улыбнулся, напомнив об обещанной рыбалке.

Удивительным образом это свершилось – дело сдвинулось с мёртвой точки, в руках правосудия теперь находились исполнители, которые были согласны сотрудничать со следствием. Случай или судьба распорядились так, чтобы расследование, грозившее превратиться в совершеннейший висяк с неприятным привкусом крупного международного скандала, вдруг получило неожиданное и стремительное развитие. И теперь надо было только потянуть за ниточку, и клубочек должен был распутаться. Но Сарычев не торопился форсировать события и докладывать руководству об успешном продвижении расследования. Он хотел аккуратно и грамотно завершить дело, получить неопровержимые доказательства вины исполнителей и выйти на заказчиков. Надо было действовать быстро и максимально осторожно.

Баллистическая экспертиза подтвердила, что именно из «макарова», который нашли у Сони при задержании, был убит Келлер, на пистолете были обнаружены его отпечатки пальцев и отпечатки пальцев Жука. Работники «Националя»

признали в Жуке того самого водителя, который подобрал Келлера около гостиницы на зелёном «фольксвагене». Саму машину, а точнее то, что от неё осталось, обнаружили на одном из подпольных автосервисов в Подмосковье – её уже практически разобрали на запчасти.

За Нестором Паком и его домом установили скрытое наружное наблюдение, а все его телефоны, телефоны его приятелей и знакомых поставили на прослушивание. Сарычев понимал, что Пак был всего лишь посредником, но на заказчика можно было выйти только через него. Полковник получил список всех телефонных номеров, по которым Кореец совершал сам или принимал звонки со всех своих телефонов за последнюю неделю, и поручил своим сотрудникам максимально оперативно установить личности всех тех, с кем Пак общался в последнее время.

Что касается самого Нестора Пака, то Травкин оказался прав. В архивах ФСБ, получив соответствующее разрешение, Сарычев обнаружил довольно пухлое дело Корейца с красным клеймом на папке «совершенно секретно». Досье на него нельзя было выносить из архива, бумаги можно было изучить только на месте.

Сарычев открыл папку. Краткая характеристика агента «Селезня» с несколькими фотографиями, наклеенными рядом друг с другом. За долгие годы тайного сотрудничества Кореец сильно изменился. Из молодого мужчины с нахальным и жёстким взглядом он превратился в седого уставшего

старика. Первые записи были датированы ещё 1959 годом – именно с тех пор Нестор Пак стал информатором госбезопасности, последние дополнения внесены в мае 1998 года. Почти сорок лет! Громадный срок. А всё началось с вот этой пожелтевшей бумажки, где Нестор Пак обязуется на постоянной основе, не реже одного раза в месяц, информировать органы госбезопасности о настроениях студентов и преподавателей, имеющих место в Московском авиационном институте. Мелкий, ровный спокойный почерк обстоятельного и внимательного человека... Интересно, у нашего рецидивиста Корейца оказывается есть высшее техническое образование, а сотрудничать с госбезопасностью он стал ещё до первой своей отсидки! За что же он загремел в первый раз? Мошенничество и спекуляция валютой в особо крупных размерах. По тем жестоким временам статья расстрельная. А ему дали семь лет. Как же он стал вором в законе? И на это есть своя запись – коронован в 1992 году. Времена тогда были мутные, скорее всего, корону Пак купил, подумал полковник. Удивительная судьба... Сарычев пролистал ещё несколько страниц и натолкнулся на старую, напечатанную на машинке бумагу, рапорт, в котором некий сотрудник КГБ информирует руководство о том, что ему удалось завербовать студента МАИ Нестора Пака. Сарычев бегло просмотрел короткий, ничем не примечательный текст, бросил взгляд на подпись и споткнулся, поражённый своим открытием. Внизу документа стояло «старший лейтенант Рыбаков

Д.И.» и знакомая подпись...

Сарычев откинулся в кресле и задумчиво посмотрел прямо перед собой. Вот упоминание о ком он совсем не ожидал увидеть на страницах агентурного дела Нестора Пака! Хотя, раздумывал полковник, если все персонажи той странной истории с зелёным камнем решили вдруг собраться спустя три года вместе, как же тут можно обойтись без старого полковника КГБ, а по совместительству ещё и дорогого дяди! Его-то тут только и не хватало...

Сарычев машинально достал сигарету и уже хотел прикурить, но потом, вспомнив, что находится в зале архива, разочарованно убрал её обратно в пачку. В памятном деле Полуянова трёхлетней давности у Дмитрия Ивановича Рыбакова была довольно странная роль. С одной стороны, он сильно помог Сарычеву, открыв всю предысторию тёмного дела и предупредив о нечестной игре Пахомова. А с другой стороны, вывел на него таинственных китайцев, в которых Полуянов сразу определил бойцов «Триады». Объяснений тогда племянник от своего дяди так и не получил. Весьма поспешно, будто испугавшись чего-то, Рыбаков уехал в Карловы Вары – пошатнувшееся здоровье поправить, – да так и не вернулся обратно с тех пор. Говорят, у почётного пенсионера в Чехии образовались маленький домик недалеко от Праги и куча свободного времени, которое он решил посвятить написанию мемуаров. Как у бывшего советского контрразведчика всё так быстро и успешно устроилось, Сарычев не знал,

да и спросить у дяди не мог – тот на удивление очень резко оборвал все контакты со своим племянником и даже телефон не оставил. Были у Сарычева мысли как-нибудь съездить в Чехию отдохнуть и родную кровь проведать, но всё не получалось. А теперь, видимо, придётся всё-таки найти его телефон...

Полковник вернулся к делу Пака. Что-то ему подсказывало, что раз в нём появился Рыбаков, должно быть упоминание и о его бывшем подчинённом – Пахомове. Так оно и случилось. Вот она бумажка! С середины восьмидесятых работы с Корейцем стал курировать – тогда ещё майор – Пахомов К.П. Круг замкнулся! Линия расследования, поплутав, сделала движение в сторону, получила новые доказательства, обрётённые не без помощи откровенного везения, и снова вернулась назад. Теперь Сарычев был абсолютно уверен, что в происшествии с Келлером не обошлось без подлого таланта Пахомова.

Итак, стало очевидно, что Пахомов замешан в этом тёмном деле. Полковнику было так же ясно, что каким-то странным образом это дело связано с его старыми знакомыми, фотографию которых он видел у отставного генерала ФСБ.

Да, Сарычев сильно недолюбливал своего бывшего начальника и ничего ему не простил. Последнее открытие лишь усилило его уверенность в виновности Пахомова. Теперь нужны были свидетельства его вины, неопровержимые доказательства, которые ничто уже не могло отменить, имея

которые, он уже мог никого и ничего не бояться. Справедливость должна была восторжествовать – Сарычев всегда верил в это, снова и снова возвращаясь к этой мысли в течение последних трёх лет. Этот день настал, надо было встретить его во всеоружии.

Было уже довольно поздно, часов десять вечера, когда Сарычев вернулся в свой кабинет – надо было уже сворачиваться и ехать домой. Дело Келлера двигалось к своей развязке – сегодняшний день это доказал, а завтрашний день должен был принести его логическое завершение – так думал Сарычев.

Как только полковник зашёл в кабинет, раздался телефонный звонок. Это был майор Коваленко. Он сказал, что настырный интерполовец никак не хочет уезжать в гостиницу, пока не получит всей новой информации, которую добыли оперативники. Кристенсен хотел знать всё.

– Скажи, что завтра он узнает всё, – устало ответил Сарычев.

– Он возмущается и грозит, что если не получит всю информацию сейчас, будет звонить генералу Костылеву, – объяснил Коваленко.

– Ну, давай его сюда, – после недолгого раздумья согласился Сарычев, решив не дразнить западного коммивояжёра и его покровителя в лице генерала, и бросил разочарованный взгляд на настенные часы.

Кристенсен был недоволен, хотя и пытался это скрыть под

маской скандинавского хладнокровия – полковник это заметил, когда тот в сопровождении Коваленко зашёл в кабинет.

– Я всё ещё не получил полной информации о результатах расследования, – произнёс Кристенсен. – Кто такой этот Кореец?

– Не волнуйтесь, Томас, – попытался успокоить сотрудника Интерпола Сарычев. – Сейчас мы проводим все необходимые оперативные мероприятия. Через некоторое время, совсем недолгое, мы будем знать точно, имеет ли отношение этот человек к убийству, и если это был заказ, то мы обязательно узнаем всё об истинных заказчиках этого убийства.

– Мне нужно с вами поговорить, – Кристенсен выразительно посмотрел на Коваленко, – наедине.

Сарычев кивнул, давая понять майору, что тот должен уйти. Когда Коваленко вышел из кабинета, Кристенсен не стал скрывать нахлынувшие вдруг эмоции.

– Иван, вы знаете насколько всё это серьёзно?! – воскликнул он.

– Подозреваю, – спокойно ответил Сарычев.

– Келлер был очень значительной фигурой! Его клиентами были крупные бизнесмены, известные европейские и американские политики и даже некоторые главы государств. Его вес был чрезвычайно велик не только в международной юридической практике, но и в политических отношениях. Келлер обладал конфиденциальной информацией, только за сотую часть которой многие выложили бы миллионы и

миллионы. Уровень его отношений, как формальных, так и неформальных, был очень высоким... Вы понимаете меня?

– Понимаю, понимаю, – поспешно ответил Сарычев, совсем не скрывая усталое недовольство от этой странной лекции о важности момента.

– Дело Келлера совсем не похоже на рядовое похищение с выкупом, – продолжал Кристенсен. – Я не поверю, что его могли похитить только лишь с целью получения выкупа. Кому-то нужна была информация, которой он обладал.

– Келлера убили ещё в автомобиле. Вряд ли он что-то успел рассказать.

– Вы уверены в этом?

Сарычев промолчал – он был в этом не уверен.

– Следствие всё расставит по своим местам, – ответил полковник.

– Скажите, что за фотографию вы видели у Пахомова? – снова поинтересовался Кристенсен.

– Это общие наши с генералом знакомые. Я же говорил об этом, – натянуто, чувствуя некую недоговорённость со стороны иностранца, проговорил Сарычев.

– Этих знакомых случайно зовут не Руслан Кондратьев и Карина Станкевич?

Сарычев замер, бросив подозрительный взгляд на Кристенсена.

– Если что-то знает несколько человек, это уже не может являться тайной, – немного язвительно пояснил Кристенсен.

«Неужели Костылев?» – подумал Сарычев, стараясь сразу вычислить того, кто мог рассказать сотруднику Интерпола о фотографии. Несмотря на внутреннее признание непонятого ещё отношения между фото и судьбой Келлера полковник решил немного схитрить, сыграв в сомнение.

– Даже если это так, какое отношение эта фотография может иметь к гибели Келлера? Я не вижу здесь никакой связи.

– Вы лукавите. – Кристенсен улыбнулся. – Вполне определённая связь между появлением фотографии и звонком Пахомова Келлеру безусловно существует. И вы об этом сами догадываетесь... Хотите узнать, что сказал Пахомов, когда общался с Келлером? – Кристенсен замолчал на секунду, пытаясь заинтриговать Сарычева. – Он сказал: «Я знаю, где они»... Этот разговор был зафиксирован на плёнке.

Сарычев не спеша вытащил сигарету из лежавшей на столе пачки и закурил её. Надо было выдержать небольшую паузу.

Кристенсен оказался более информированным и активным игроком, чем Сарычев предполагал ранее. Обойти его, отодвинув на второй план и посадив на голодный информационный паёк, было уже невозможно. Как бы там ни было, роль сотрудника Интерпола, прикомандированного к Сарычеву, стала более понятна. Кристенсен косвенным образом подтвердил реальную причину своего здесь появления. По всей видимости, Кристенсен должен был получить полную информацию о последних часах жизни Келлера и узнать,

кто является реальным заказчиком похищения или убийства. Какое-то влиятельное лицо или группа лиц на Западе были сильно обеспокоены этой смертью – они должны были узнать всё о гибели швейцарского юриста, чтобы приготовиться к возможному удару. Эти неизвестные люди имели все основания предполагать, что кто-то пытается, получив информацию от Келлера, сыграть против них... На кого же ты работаешь, Томас? Сарычев сделал глубокую затяжку. Впрочем, рассудительно заметил про себя Сарычев, исполнительный немец с датской фамилией мог и не знать тех, на кого реально работает.

– Итак, Иван, что вы можете мне рассказать о Несторе Паке? – прервал паузу Кристенсен.

Что ж, если не удалось изолировать Интерпол в расследовании, надо было сделать из него союзника – скрытым противником он мог быть слишком опасен.

– Нестор Пак долгое время был тайным информатором КГБ, а Пахомов был его куратором, – ответил Сарычев.

– Значит, это всё-таки Пахомов организовал похищение, – сделал вывод Кристенсен.

– Это надо ещё доказать, – заметил Сарычев. – И я надеюсь, завтра у нас появятся все данные, чтобы уже с полной уверенностью об этом заявить.

Ночь прошла без сна. Утро Руслан встретил на кухне, стоя около окна. Это было невыносимо. Руслан не мог находить-

ся в пустом доме один. Каждая вещь в нём напоминала о Карине и Софии, всё кричало о необходимости действия, но он ничего не мог предпринять. Это было похоже на непрекращающуюся пытку. Руслан бродил по дому, пытаясь найти угол, где он мог остановиться, но невыносимая ноющая боль в душе и неотступающее чувство вины заставляли его опять вставать и идти в другой конец дома. Он не мог есть, не мог спать, он только ждал, и это непонятное ожидание превращалось в мучение. Руслан не расставался с подброшенным похитителями мобильным телефоном; тот как болезненное инородное тело, впившееся в его сердце и разум, как страшное напоминание о случившемся не давал ему покоя, жёг его руки и в то же время был единственной ниточкой, которая могла связать его с женой и ребёнком, телефон был единственной вещью, дающей ему сейчас надежду. Руслан смотрел на телефон, не выпуская его из рук и не отводя глаз, но тот молчал.

К вечеру, когда давление пустого дома и положение безнадёжной неизвестности стали невыносимы, провоцируя приступ безумия, Руслан вышел на веранду. Он сел на стул и, обхватив себя руками, стал мерно покачиваться из стороны в сторону, не спуская глаз с ворот дома. Он ждал Полуянова, он верил, что тот, демон или человек, вернёт ему семью!

Уже совсем стемнело, и улица погрузилась в густую тропическую ночь, когда Руслан услышал тихие шаги и увидел мелькнувшую во дворе тень. Человек торопливо подошёл к

крыльцу. Это был Полуянов. Он знаком попросил Руслана зайти в дом, а потом сам быстро проскользнул внутрь, плотно прикрыв за собой дверь.

В полутьме Руслан увидел напряжённое лицо Полуянова, его блеснувшие на мгновение в неярком свете уличных фонарей глаза. Полуянов поднёс к губам палец, требуя молчания. Он вытащил из сумки какой-то непонятный небольшой прибор и стал постепенно, шаг за шагом проверять комнаты дома. Две молчаливые тени в темноте, не торопясь, продвигались по жилищу, останавливаясь в углах. Полуянов проверил все комнаты и нашёл четыре жучка, оставленные под кувшином с цветами, за ножкой кровати, за стоявшими на полке в кухне тарелками и среди книг в гостиной.

– Кажется, пока всё, – выдохнул Полуянов, пройдясь с прибором ещё один, последний, раз по всем комнатам дома, и сел в кресло. – А теперь давай всё по порядку.

Руслан рассказал о том, что произошло вчера: о странных людях под окном, о желтоволосом человеке, об исчезновении Карины и дочери, о записке на русском языке и мобильном телефоне, который он нервно продолжал сжимать в руке.

Полуянов развернул листок бумаги и несколько раз внимательно прочитал написанные там слова.

– Им нужен перстень, – сказал Руслан, когда Полуянов наконец отложил бумагу в сторону.

– Очевидно, это так, – подтвердил тот.

– Что нам делать? – Голос Руслана дрогнул.

– Пока только ждать, – ответил Полуянов, вытащил из кармана пачку своих традиционных «Gitanes» и закурил. – Но, уверен, ждать нам придётся недолго. Твой дом находится под наблюдением – это я успел заметить. Вероятно, они дожидались только меня, и я не мог появиться здесь незамеченным. И даже если они по каким-то причинам проморгали момент, когда я зашёл в дом, они не могли не заметить того, что их жучки больше не работают.

– Кто это?

Полуянов пожал плечами.

– Я не знаю. Слишком многим нужен этот камень, – сказал он, отвернулся в сторону и замолчал.

Как и предполагал Полуянов, ждать пришлось недолго. Минут через десять в комнату ворвались мелодия «Hello, Dolly» и несравненный напев Армстронга – это звонил мобильный телефон, оставленный неизвестными похитителями вместе с запиской. Руслан нервным и дрожащим движением схватил трубку и прохрипел в неё:

– Да.

Ему ответил на удивление спокойный, тягучий голос, говорящий по-русски, но с заметным, как будто прибалтийским акцентом:

– Добрый вечер, Руслан. Вы уже вдвоём?

Руслан быстро глянул на Полуянова, тот кивнул головой.

– Да, – ответил Руслан.

– Очень хорошо. Запомните адрес: Испания, город Валенсия, Пласа-де-ла-Рейна, кафе «Кафедрал». Я жду вас там ровно через два дня в двадцать один час по местному времени. Не опаздывайте и не забудьте перстень... Сохраните этот мобильный телефон, связываться с вами мы будем по нему – всё может измениться, я должен буду держать вас в курсе событий.

Неизвестный хотел уже закончить разговор, когда Руслан крикнул в трубку:

– Что с моей женой и дочкой?! Где они?!

– О, не беспокойтесь, – ответил певучий прибалтийский голос. – С ними всё хорошо. У вас чудный ребёнок.

– Дайте трубку Карине! – закричал Руслан. – Я хочу её слышать!

– Всему своё время, Руслан. Не потеряйте телефон. Пока...

В телефоне послышались короткие гудки, но Руслан ещё некоторое время сидел неподвижно, опустив голову, и обескураженно рассматривал отсвечивающий синевой экран. Он всё ещё не мог поверить, что это произошло, что он так и не смог сберечь своё счастье. Он, защитник и глава семьи, был бессилен, совершенно бессилен что-либо исправить сейчас.

Полуянов взял у Руслана из рук телефон.

– Наверняка, там передатчик, – рассудительно заметил он, крутя в руках аппарат.

– Через два дня мы должны быть в Валенсии, – не подни-

мая головы, пробормотал Руслан.

– Да, я слышал, – кивнул Полуянов.

– Что мы будем делать?

– Во-первых, надо сменить мелодию на телефоне. Не люблю джаз. А во-вторых, пойдём посмотрим рисунки твоей дочери.

Руслан в изумлении поднял голову, решив, что ослышался.

– Покажи мне, где находятся рисунки Софи, – повторил Полуянов, давая понять, что он не оговорился и не шутил.

Маленькая София обожала рисовать. Руслан не помнил, как и когда появилась эта удивительная страсть у маленького ребёнка. Но это было правдой – его двухлетняя дочка с увлечением и интересом рисовала и красками, и фломастерами, и карандашами на любых попавших под руку листках бумаги. Дедушка в нечастые свои приезды брал на руки девочку и с огромным интересом и гордостью рассматривал результаты детского творчества, заявляя с улыбкой, что внучка пошла в него, сохранив через поколение талант к художественному изображению. София со всей серьёзностью, которая только и возможна была в её полусознательном возрасте, относилась к своим занятиям рисованием. Плавные, округлые спиральки, резкие угловатые линии, кляксы всех цветов и размеров, старательно выведенные круги, больше похожие на странно-ватого вида многоугольники, щедрые разводы тёмным на белом, жирные чёрточки и точки – все её «каля-маля», быв-

шие плодом удивительного и парадоксального детского воображения, организовывали пухлую коллекцию, которую собирала её мама. Аккуратно собранные в папочку они лежали в гостиной на полке.

Полуянов бережно взял собрание рисунков в руки и стал внимательно его изучать. Определить последние по времени картины Софии было очень просто – на всех листах заботливой рукой мамы были проставлены даты. Полуянов выбрал с десятков рисунков своей внучки и разложил их в гостиной на столе. Руслан с непониманием и беспокойством наблюдал эти абсолютно странные для него и несвоевременные действия.

– Что вы ищите? – решился спросить он.

– Знаки, – ответил Полуянов. – Я ищу знаки.

– Какие знаки? – спросил Руслан.

– София могла оставить некие знаки, которые могут подсказать, где они сейчас находятся с Кариной.

– Но как?! – в изумлении воскликнул Руслан.

– Ты недооцениваешь свою дочку. Она уникальный ребёнок, она Повелительница и может многое, даже не осознавая этого.

– Вы хотите сказать...

– Я хочу сказать, что у Софи вполне возможно развито чувство предвидения. Я замечал у неё некоторые признаки этого дара.

– Но мы...

– Да, вы, – прервал Руслана Полуянов, – вы, я имею в виду обычных людей, обычно не обращаете на это внимание.

Пожалуй, это удивительное объяснение было исчерпывающим само по себе. Во всяком случае, Руслан решил больше не расспрашивать своего тестя о причинах подобных подозрений, тем более тот дал ясно понять, что сказал всё, что хотел.

Руслан, повинувшись уверенности Полуянова, стал тоже молча рассматривать обрывающиеся тонкие и жирные чёрточки, кривые кружочки и разноцветные разводы.

– Начало вот здесь, – сказал Полуянов, указывая на яркий рисунок, где при определённом усилии можно было рассмотреть две наезжающие друг на друга головы и нечто вроде общего тела с разной длины отростками, которые можно было расценить как ноги. – Это София с мамой. Тут она даже нам помогла – Карина, видимо с её слов, подписала рисунок «дочка с мамой».

– Это что-то нам даёт? – скептически поинтересовался Руслан.

– Вполне вероятно, девочка хотела сказать нам, что они с мамой сейчас вместе... Будем надеяться, что их, действительно, не разлучили.

Внимание Полуянова привлёк другой рисунок, где фигура, похожая на полукруг или чашу, перевёрнутая его округлой частью (дном чаши) вверх, была снизу подчёркнута волнистой, синей линией.

– Валенсия, говоришь... – задумчиво пробормотал Полуянов, не спуская глаз с рисунка и что-то припоминая. – В этом городе есть одно здание, очень похожее на это детское изображение.

– Какое?

– Его называют по-валенсийски L'hemisfèric.

– Полусфера? – переспросил Руслан.

– Именно, – подтвердил Полуянов. – Это одно из современных зданий Валенсии, построенных в комплексе с известнейшим на всю Испанию Океанографиком, Музеем Наук принца Филиппа и Дворцом Искусств. Оно стоит, окружённое со всех сторон бассейном, и потому действительно похоже на некий полукруг, а точнее, полуовал в воде.

– Карина и София там?

– Полагаю, всё-таки нет. Это публичное место, где всегда много народа, что-то вроде кинотеатра. Тем не менее, можно предположить, что из окна здания, где находятся Карина и София, видна эта Полусфера.

– Значит, они находятся в одном из домов на ближайшей к зданию улице.

Полуянов кивнул и задумчиво посмотрел на Руслана:

– Интернет есть?

Быстро перебравшись в другую комнату, где находился компьютер, они вышли в Сеть и стали искать подробную карту Валенсии. И судя по схеме города, обнаруженной на одном из испанских сайтов, здание Полусферы, расположенное

на достаточно открытом месте, можно было разглядеть по крайней мере с десяток опоясывающих известный комплекс улиц.

– Обратимся за помощью к внучке, – сказал Полуянов, опять разложил рисунки на столе и стал высматривать в них скрытые знаки.

– На что это похоже? – выдернув один из листков бумаги, покрытый яркими разводами, спросил Полуянов.

Жирные вертикальные и горизонтальные, синие и зелёные линии перекрещивались, разбегались и снова встречались. Руслан пожал плечами, расписавшись в полном бессилии что-либо здесь увидеть.

– Это очень похоже на две латинские буквы «N» и «H»... Отвлекись от цвета этих чёточек. – Полуянов пальцем указал в начало одной из линий. – Вот синяя линия двигается вверх, в верхней точке она обрывается вниз уже зелёным цветом, а потом снова поднимается в синем. Явное «N»! А рядом, если присмотреться, то можно обнаружить и «H», вырисованную по такому же принципу.

Да, теперь Руслан готов был поклясться, что увидел на рисунке дочери две замаскированные разными красками латинские буквы – «N» и «H».

– «N» и «H» – это буквы в названии улицы? – спросил он Полуянова с надеждой.

– Это надо посмотреть, – нерешительно ответил тот, снова разглядывая карту Валенсии в Интернете.

– По крайней мере, в половине названий улиц, расположенных рядом с Полусферой, присутствуют эти две буквы, и ни в одном из них одновременно не встречаются слова, которые бы начинались как с одной, так и с другой буквы, – сказал Руслан.

– Да, это так, – согласно кивнул Полуянов, а потом вдруг с досадой воскликнул: – Да что это я! «NH» – это же сеть отелей. Надо посмотреть, есть ли в округе отель с таким названием.

Форма карты была молниеносно трансформирована парой щелчков мышкой – на ней появились названия отелей. Высветились названия отелей сети «NH», их было достаточно много в Валенсии, но буквально рядом с Полусферой находились две гостиницы: «NH Express Las Artes» и «NH Las Artes»... Руслан отпрянул назад от монитора, не веря подобному чуду.

– Это невероятно, – пробормотал он поражённо; к нему вернулась надежда и вера. – Надо срочно ехать в Валенсию! Надо спасти их! – Руслан, сцепив пальцы рук, как испорченный маятник с неожиданными рывками и замедлениями стал быстро ходить по комнате, от одной стены до другой и обратно. – Но какой из этих отелей тот, который нам нужен?!

– Все отели сети «NH», кроме отелей «Las Artes», находятся на достаточно далёком расстоянии от Полусферы, и она из их окон не видна. Потому я делаю логичный вывод, что Карина и София находятся в одном из отелей «Las

Artes». Но проверить их мы сможем только на месте, – рассудительно заметил Полуянов, а затем невозмутимо продолжал рассматривать рисунки своей внучки.

– Полагаю, это ещё не всё, – проговорил он.

Руслан подбежал к нему.

– Вы что-то ещё нашли?

– Посмотри на это.

На очередном детском полотне ломаные линии, кривые крестики соседствовали с кляксами и странными чёрточками.

– Кресты, линии, чёрточки ... – пробубнил Руслан. – Что же это может значить?

– Это римские цифры, – взглянув на Руслана с неприкрытой укоризной, ответил Полуянов.

– Но София даже в арабских цифрах не очень разбирается, а про римские она вообще не может знать! – запротестовал Руслан.

– Ей вообще не нужно знать цифр. Её рукой водит провидение, – хмуро сказал Полуянов, вернувшись к внимательному рассмотрению рисунка. – Итак, тут мы явно видим латинскую букву «L» – девочка постаралась и сделала её хорошо. «L» – это пятьдесят, на краю листка есть два чётких крестика «X» – ещё двадцать. Нет, не два... – с сомнением добавил Полуянов и замолчал на секунду. – Вот тут тоже крестик... или неаккуратная «V»... Нет, всё-таки, пожалуй, крестик. Значит, три «X». Итого восемьдесят. Теперь латин-

ские единички «I». Раз, два... три. — Полуянов показал карандашом на совершенно неприметную чётточку, чуть криковатую, но всё-таки стоявшую скорее вертикально, чем лежавшую горизонтально. — Да, точно три, — убедил себя Полуянов. — В финале получаем восемьдесят три.

— Или всё-таки семьдесят восемь, если тот «X» окажется «V», — заметил Руслан.

Полуянов недоверчиво посмотрел на зятя, но согласился:

— Хорошо, восемьдесят три или семьдесят восемь. Это две наши цифры. Я думаю, эти цифры обозначают номер в отеле. Надо будет это проверить.

— А если это не так? — с отчаянным волнением спросил Руслан.

— Мы ничего не теряем. Нам надо всё равно лететь в Валенсию.

Полуянов начал собирать рисунки, но Руслан остановил его:

— Вы отдадите им перстень Соломона, если у нас не будет другого выхода?

Полуянов промолчал, не поднимая глаз, и продолжил собирать рисунки. Сердце Руслана бешено забилося, не в силах вынести эту жуткую паузу, в горле появился комок.

— Вы отдадите им перстень Соломона? — более настойчиво повторил свой вопрос Руслан.

— Я отдам его, — ответил Полуянов, так и не подняв своих глаз, и твёрдо добавил: — Но я уверен, до этого момента дело

не дойдёт.

Глава 5

Как только с утра Сарычев появился на службе в сопровождении Кристенсена, в его кабинет буквально влетел майор Коваленко.

– Есть! – радостно объявил он прямо с порога. – Мы проверили список входящих и исходящих телефонных звонков Пака. В пятницу он три раза позвонил Пахомову на его мобильный телефон: два раза утром и один раз вечером. В субботу тоже звонил два раза, оба раза вечером.

Сарычев удовлетворённо кивнул.

– Эх, жаль только, что мы не знаем, о чём они говорили, – сказал он и поинтересовался: – А милиция случайно не слушала Пака? Полагаю, он был у них под наблюдением.

– Выясняли, – разочарованно ответил Коваленко, – этот телефон они не прослушивали.

– Свою прослушку организовали?

– Да, все телефоны взяты под контроль.

– Что-нибудь есть?

– Пока нет. Он очень осторожен и ни с кем практически сейчас не общается, сидит безвылазно в своём подмосковном доме.

– Что по остальным телефонным номерам списка?

– Как и предполагалось, Пак довольно часто созванивался с Соней – нам без труда удалось идентифицировать факт

проведения этих телефонных переговоров в пятницу, субботу и воскресенье. Участие Пака в похищении Келлера теперь практически не вызывает сомнений, – с уверенностью заявил Коваленко и добавил: – На прошлой неделе Пак ещё общался с несколькими своими знакомыми, которые не вызывают особого подозрения, звонил в автосервис (там его «мерседес» ремонтируют), разговаривал с представителями местной братвы и чиновниками из городской администрации... И было ещё два исходящих звонка за границу. Кому принадлежат эти номера, мы не смогли определить. Первый – немецкий мобильный телефон, второй – чешский...

– Чешский? – вдруг удивлённо встрепнулся Сарычев.

– Да, звонили в Прагу.

– Вы можете дать эти номера мне? – вмешался в разговор Кристенсен. – Я проверю их по европейской полицейской базе.

Сарычев кивком подтвердил, что это можно сделать, и Коваленко протянул сотруднику Интерпола листок бумаги с выписанными телефонами. Кристенсен тут же позвонил кому-то и продиктовал номера по-французски. Ждать пришлось совсем недолго. Через какие-то пять минут ему сообщили регистрационные данные владельцев и информацию о том, проходят ли данные телефоны по специальным секретным базам европейской полиции. Вероятно то, что услышал Кристенсен, его сильно удивило, потому что он, сказав невнятное, смущённое «мерси» и отключившись, задумчиво

установился себе под ноги.

– Ну, и что с этими номерами? – спросил Сарычев.

– Оба этих номера есть в полицейской базе, – медленно проговорил Кристенсен и замолчал.

– Ну, и что? – требовательно повторил Сарычев, слегка повысив голос.

– Первый номер зарегистрирован на немецкую компанию, но по агентурным данным он с некоторых пор используется одним китайским бизнесменом, зовут которого Чжан Вэйдун. Это человек с довольно тёмной репутацией.

– Что же в нём не так?

– Видите ли, есть данные, что он очень тесно связан с «Триадой» и ведёт некоторые дела китайской мафии в Европе.

Сарычев замер.

– А что со вторым номером? – спросил он, подозревая, что услышит ожидаемый ответ.

– Второй номер тоже очень любопытен. Он зарегистрирован на чешского гражданина, но принадлежит он реально одному русскому, имя которого также включено в секретную полицейскую базу. – Сотрудник Интерпола выразительно посмотрел на Сарычева, и тот сразу понял, что его подозрения оправдались; Кристенсен продолжил: – Его фамилия Рыбаков... Рыбаков Дмитрий Иванович. – И после короткой паузы, чтобы рассеять любые сомнения касательно информированности полицейских служб Европы: – Это ваш дядя, Иван.

Сопровождаемый изумлённым взглядом Коваленко, Сарычев обошёл стол, нервно барабанил пальцами по его поверхности. Он всё-таки ещё надеялся, что дядя его тут не при чём, что всплывшая вдруг его фамилия есть досадная случайность, но ему не давали покоя воспоминания о событиях трёхлетней давности и обронённое Полуяновым в адрес Рыбакова обвинение в связи с «Триадой», которая косвенным (пока лишь косвенным) образом засветилась и в деле Келлера. Но сомнений оставалось всё меньше – Келлера скорее всего похитили по указанию китайской мафии, и ниточка вполне недвусмысленно вела к Пахомову и Рыбакову, которые, вероятно, и организовали это.

– Что ж, – решительно произнёс Сарычев, – теперь только Пак сможет внести окончательную ясность в это дело... Пора его брать.

Нестор Сергеевич Пак жил в трёхэтажном доме красного кирпича на краю маленького подмосковного городка. Когда оперативная группа подъехала к его жилищу, он сам, не дожидаясь звонков и стуков в дверь, открыл ворота и пропустил их внутрь. Вёл он себя на редкость спокойно и даже миролюбиво.

– Нестор Сергеевич, у нас ордер на обыск вашего дома и ваш арест, – строго и официально предупредил старого «вора в законе» следователь прокуратуры.

– Да понял, понял я уже, – послушно кивал Кореец, пе-

чально усмехаясь кончиком губ, – видел ваших архаровцев, которые со вчерашнего дня крутились вокруг... Ну, что ж, заходите в дом.

Оперативники начали обыск, а следователь, Сарычев и Пак сели на стулья, расставленные вокруг круглого стола в гостиной. Кристенсен нашёл себе место чуть в стороне и, облокотившись на комод, скрестил руки на груди – вопросы он задавать не мог, он мог только слушать то, о чём пойдёт речь. Двое понятых скромно стояли в углу, с интересом рассматривая богатую обстановку дома. Следователь деловито расположился за большим обеденным столом и стал раскладывать на нём свои бумаги. Сарычев закурил и, пуская клубы сизого дыма, краешком глаз наблюдал за Паком. Корец, закинув ногу на ногу, абсолютно равнодушно следил за действиями оперативников. Его узкие глаза, тусклые и неподвижные, безразлично глядели на то, как сотрудники ФСБ вытаскивают его вещи из шкафов и аккуратно складывают их на диван.

– А вы один живёте в этом доме? – спросил Сарычев.

– Нет, – устало отозвался Пак. – С племянницей и её дочкой.

– А где же они?

– На юге отдыхают.

Пак отвернулся в сторону, всем своим видом показывая, что совершенно не намерен вести не относящиеся к делу разговоры с полковником ФСБ.

Следователь наконец разложил свои бумаги на столе.

– Нестор Сергеевич, вы догадываетесь, в чём вас обвиняют? – спросил он.

– Догадываюсь, – неожиданно ответил Кореец. – Вы же по поводу швейцарца здесь?

– Да, нас интересует убийство Генриха Келлера, – несколько удивлённый искренностью Пака, подтвердил следователь. – Так вы признаётесь в организации похищения и убийства гражданина Швейцарской Конфедерации Генриха Келлера?

– В организации похищения, но не убийства, – сказал Пак. – Последнее на совести этих недоумков, Жука и Сони.

– Так, так, – довольный тем, что всё так легко складывается, с улыбкой пробормотал следователь. – И вы, Нестор Сергеевич, можете сейчас поведать нам под протокол, как вы организовали похищение?

– Могу, – сказал Пак и небрежно указал пальцем на бумаги следователя, – если оформите это как чистосердечное признание.

Следователь согласно кивнул.

– Это я организовал похищение Генриха Келлера, – признался Пак. – Соня и Жук были мной наняты для этого дела. Они должны были похитить и перевезти Келлера в снятый недалеко от города Домодедово дом. Всё должно было пройти чисто, но эти отмороженные...

– Кто заказал похищение Келлера? – оборвал Корейца Са-

рычев.

Пак замолчал и внимательно посмотрел на полковника. Его тусклые глаза вдруг вспыхнули недобрым огоньком.

– А тебе они точно нужны? – с ехидцей спросил он. – Многознание спокойствия не прибавляет.

– Умничать на зоне будешь, там ты король, а не здесь, – зло ответил Сарычев.

Пак тяжело вздохнул.

– Записывай, – хмуро бросил он следователю. – Похищение Келлера было организовано по прямому указанию Пахомова, Рыбакова и Чжан Вэйдун.

– Кто такой Чжан Вэйдун? – спросил Сарычев.

– Значит, первых двух вы прекрасно знаете, – сразу сориентировался Пак. – Чжан Вэйдун – это эмиссар китайской «Триады» в Восточной Европе.

– Это мафии китайской что ли? – сразу не поняв о чём речь, удивлённо переспросил следователь.

– Её самой, – подтвердил Пак.

– Что ты мутишь?! – возмутился было следователь, но Сарычев остановил его движением руки.

– Что им надо было от Келлера? – спросил он Пака.

– Этого я не знаю, – ответил Кореец, отрицательно покачивая головой. – Моё дело было взять его, а там уже они сами должны были с ним встретиться и разговорить. – Пак отвернулся, посмотрев в окно, но потом, вспомнив, добавил: – Слышал только краем уха, что Рыбаков, когда со мной разго-

варивал по телефону, сказал кому-то в сторону про какой-то «волосок ангела».

Кристенсен, внимательно слушавший Пака и не спускавший с него глаз всё это время, вдруг подался назад и, развернувшись, отошёл к окну – у Сарычева сложилось твёрдое впечатление, что сотрудник Интерпола наконец услышал именно то, что и хотел услышать, приехав в Москву. Как показалось полковнику, теперь Кристенсену всё стало ясно. Однако про себя Сарычев это сказать не мог – чем дальше закручивалась спираль этого странного дела о похищении и убийстве швейцарца, тем больше вопросов появлялось у него.

– Что такое «волосок ангела»? – наивно поинтересовался следователь.

– Я не знаю! – быстро и раздражённо отреагировал Пак. – Я сказал то, что услышал, да и то услышал я это абсолютно случайно... Всё, начальники, больше я ничего не скажу.

– Понятно, – скривился следователь и, обращаясь к Сарычеву, спросил: – Ну, что, может, отправим его уже? Допрос продолжим в СИЗО?

Сарычев кивнул и сказал Коваленко, чтобы тот занялся отправкой арестованного. Щёлкнули наручники, Пак поморщился, отвыкнув за долгое время свободы от этих неприятных и неудобных аксессуаров, обвёл грустным взглядом стены своего дома, надолго прощаясь с ними. У выхода он попросил сопровождавших его сотрудников ФСБ взять неболь-

шой старый чемоданчик, стоявший в углу прихожей.

– Уже приготовился? – с усмешкой спросил Коваленко.

– Тебе бы мой опыт, – без особой злобы, уныло ответил Кореец.

Коваленко проверил содержимое чемоданчика и, прихватив его с собой, направился вместе с Паком к тёмной-синей «газеле» во дворе.

Оперативники продолжали обыск. Сарычев подошёл к окну и встал рядом с Кристенсеном – у него появились вопросы к сотруднику Интерпола.

Сарычев видел, как «газель» двинулась с места и подъехала к открытым настежь воротам. Уже выехав за ворота, она остановилась на мгновение. Дальше всё произошло абсолютно внезапно и очень быстро. Была яркая вспышка и труба дыма. Вынырнув из-под днища машины, невероятная огненная сила вдруг подкинула «газель» вверх, раздался оглушительный взрыв. Сарычев и Кристенсен успели упасть на пол, инстинктивно схватив и потянув друг друга за рукава пижамов, а сверху на них посыпались обломки рам и осколки стекла, выбитых взрывной волной.

Осознание случившегося пришло не сразу. Сначала были секунды шока. Завыли сигнализации машин, кто-то закричал, матерясь, в нос ударил уже давно забытый запах гари и горящего металла. Поднимаясь с пола, Сарычев увидел круглые глаза следователя – испуганный и беспомощный, тот сидел на полу и вытирал платком сочившуюся из царапины на

щеке кровь. Сарычев видел всё, что произошло, но где-то внутри ещё оставалась капля надежды. Полковник, уже не помня об опасности, вместе с другими сотрудниками выбежал из дома. Искорёженный и обожжённый фургон лежал на боку, его днище было полностью разворочено взрывом. За сорванными и изуродованными воротами, валявшимися невдалеке, зияла большая чёрная воронка...

Кто-то подложил мощную мину перед воротами дома Пакка – её подорвали с помощью дистанционного устройства. Организованные по горячим следам поиски исполнителя в окрестностях не дали результата – тот, вероятно, успел уйти. Пак, майор Коваленко и ещё двое сотрудников ФСБ, находившихся в «газеле», погибли на месте.

Утром следующего дня Руслан и Полуянов уже вылетали из Гаваны в Валенсию. По дороге в аэропорт их сопровождала старенькая «шестёрка», та самая, которую Руслан видел около своего дома в памятное утро. Держась на приличном расстоянии, «шестёрка», тем не менее, не выпускала такси из виду ни на секунду. Руслан не мог привыкнуть к этому сопровождению и всё время оглядывался, ища глазами ставшие уже знакомыми кузов и номер машины. Полуянов же даже не посмотрел в сторону преследователей – он был на удивление спокоен и немногословен.

В аэропорт приехали заранее, зарегистрировались одними из первых. За Русланом и Полуяновым пристально на-

блюдали трое человек, заметить которых не составило большого труда. Это были улыбчивый европейский турист в яркой, цветастой рубашке, тёмный латиноамериканец, скрывавший свои глаза под белой кепкой с надписью «Mexico», и невысокий светловолосый мужчина с бегающими глазками и газетой в руках.

– Провожают, – сказал Полуянов.

Все трое провожающих с нескрываемым интересом наблюдали, как Руслан и Полуянов проходили таможенный досмотр и пограничный контроль. Через некоторое время француз Марк Лефевр и уругваец Паоло Лопес беспрепятственно пересекли кубинскую границу и направились в зал ожидания вылета Гаванского аэропорта.

Полуянов поставил свою небольшую дорожную сумку на сидение кресла и огляделся – теперь за ними уже никто не следил.

– Я хочу тебя кое с кем познакомить, – сказал он и кивком дал понять стоявшей в другом конце зала женщине, что она может подойти. Светловолосая, средних лет женщина, глаза которой были спрятаны за тёмными очками, приблизилась к удивлённому Руслану, улыбнулась и протянула для приветствия руку:

– Здравствуйте, Руслан, давно хотела с вами познакомиться.

Руслан вздрогнул – он отвык уже от того, что незнакомые люди могут знать его настоящее имя – и нерешительно по-

жал протянутую ладонь, стараясь вспомнить, где он мог слышать этот такой знакомый, как будто из далёкого прошлого, голос. Женщина сняла тёмные очки. Серые глубокие глаза, прямой нос, гладкая, чуть загорелая кожа – в свои примерно сорок она была очень красива и элегантна.

– Меня зовут Анастасия Ковалёва, – представилась женщина.

Ну конечно, осенило Руслана! Это та самая хозяйка московского кафе «Гранат», которая была три года назад связником Полуянова! Именно благодаря этой женщине Руслан тогда смог найти Полуянова, или точнее сказать, Полуянов сделал так, чтобы Руслан смог его найти.

Полуянов приобнял Анастасию Ковалёву за плечи и сразу предупредил Руслана:

– Правда, имя Анастасия тебе придётся на время забыть. Сейчас перед тобой находится гражданка Уругвая Паола Лопес.

Руслан непонимающе посмотрел сначала на Полуянова, потом на Ковалёву.

– Я не совсем понял, – растерянно проговорил он.

– В Валенсию ты полетишь с Паолой Лопес рейсом «Air France» через Париж. Паоло Лопес же, то есть я, полетит в Мадрид прямым рейсом авиакомпании «Iberia». – Полуянов с Ковалёвой обменялись посадочными талонами и билетами. – Если всё пройдет хорошо, я успею даже встретить тебя в Валенсии – мы должны оставить у наших наблюдателей,

которые точно нас будут встречать в аэропорту, полную уверенность, что летели вместе. Однако, если вдруг произойдёт что-то непредвиденное, и меня ты не обнаружишь в аэропорту, запомни название гостиницы: «Mediterráneo Florida». Там уже забронирован номер для тебя, – сказал Полуянов. – Этот странный обмен нужен для того, чтобы я смог посетить Мадрид и сделать это втайне от наших проницательных «друзей».

– Но у вас, несмотря на схожесть имени и фамилий, разные паспорта. Как вы намерены обмануть кубинских и испанских пограничников?

– Даты рождения у нас с Анастасией в паспортах одинаковы, – улыбнулся Полуянов, – номера отличаются лишь одной цифрой – расхождение в одной цифре практически никто не заметит, – а разницу между «Mr» и «Mrs» в посадочных талонах всегда можно объяснить ошибкой в регистрации.

– Но зачем вам в Мадрид? – удивился Руслан.

– Узнаешь всё в своё время, а пока мне нужно торопиться. Посадка на Мадрид уже заканчивается.

Полуянов подхватил свою дорожную сумку и быстро направился к выходу, около которого уже собрались последние опаздывающие на рейс до Мадрида пассажиры. Его проникновение на борт самолёта «Iberia» по чужому посадочному талону прошло удачно. Проблем с посадкой на борт до Валенсии тоже не было. Лучезарная улыбка Анастасии не оставила даже малейших шансов на то, что приветливый ку-

бинец, проверявший посадочные талоны на выходе, сможет вдруг обнаружить такую существенную разницу между полами, отмеченную на маленьком листке картона.

Хайме Кортес встречал в мадридском аэропорту рейс из Гаваны. В это раннее утро в Испанию должен был прилететь его знакомый и деловой партнёр, которого он знал под именем Габриель Велосо.

Два года назад их познакомил один приятель Кортеса, бывший сотрудник португальской разведки, шепнув при этом, что Велосо часто выполняет поручения влиятельных особ, решая всевозможные деликатные вопросы, и является неплохим клиентом для бывших сотрудников спецслужб. Кортес к тому времени, отработав в испанских спецподразделениях долгое время, уже вышел в отставку и подумывал об организации какой-нибудь практики в частном порядке. Обширные связи Кортеса в правоохранительных органах, с одной стороны, и серьёзная клиентура Велосо, не желавшая публичной огласки своих дел, с другой стороны, сделали возможным неплохой и стабильный дополнительный заработок для испанского полицейского на пенсии.

Кортес прекрасно понимал, что Габриель Велосо – это не настоящее имя этого загадочного человека; тот совершенно был не похож на португальца и, скорее всего, был французом или итальянцем, а может быть даже и жителем Восточной Европы. Но это мало смущало Кортеса, так как предлагаемая

странным коммивояжёром работа давала неплохой доход и была вполне законна.

Встретившись в холле аэропорта, они сердечно поприветствовали друг друга. Большой дружелюбный Кортес заключил Велосо в свои крепкие дружеские объятия.

– Через три часа мне нужно быть в аэропорту Валенсии, – сразу предупредил Велосо.

– У нас ещё есть время, – громко сказал Кортес и махнул рукой в сторону табло. – Через полтора часа самолёт, лететь туда всего ничего, так что у тебя ещё останется уйма времени.

Велосо удовлетворённо кивнул.

– Что на этот раз? – тихо спросил Кортес.

– Похищение. – Велосо протянул Кортесу листок бумаги. – Это две гостиницы в Валенсии и два номера в каждой из гостиниц, которые необходимо негласно и аккуратно проверить. Я ищу женщину двадцати пяти лет и её дочку двух лет. Их похитили и по нашей информации держат в каком-то из этих четырёх номеров.

– Габриель, у нас всё готово, – поспешил уверить Кортес. – Ребята из полицейского управления в Валенсии ждут только информации.

– Они надёжны?

– Я доверяю им как себе. Их начальник – мой старый знакомый.

– С головы женщины и ребёнка не должен упасть ни один

волосок, – строго предупредил Велосо.

– Так оно и будет, Габриель.

– И никакой шумихи, никакой прессы и огласки.

– Как всегда, Габриель. – Кортес широко улыбнулся, показав свои белые ровные зубы, и поспешил заверить товарища: – Не волнуйся, мы всё сделаем аккуратно и профессионально. Я тебя никогда не подводил... Кстати, пока у нас ещё есть время до посадки, давай заглянем в местное кафе и перекусим. Возьмём на завтрак твоего любимого хамона иберико бейоту.

– Хорошо, – сказал Полуянов-Велосо.

Глава 6

В самолёте Анастасия Ковалёва расположилась на соседнем от Руслана кресле. Правда, находилось оно через проход, и потому Руслану так и не удалось с ней ничего обсудить. Но это было не самое главное препятствие — сама Анастасия, судя по всему, не была настроена на откровенный разговор, всячески стараясь избежать общения, словно то таило в себе некую опасность. Руслан прекрасно помнил кафе «Гранат» и свою встречу с Полуяновым у бронзового Энгельса, помнил он и о том, что именно Анастасия Ковалёва сделала возможным эту встречу. Тогда, три года назад она исчезла из Москвы также неожиданно и бесследно, как и Полуянов. Вероятно, тот помог ей скрыться так же, как потом помог уже и Руслану. Казалось бы, этим людям, волею судьбы оказавшимся в одном самолёте, есть, о чём поговорить, но сегодняшняя роль Анастасии не предполагала обмен воспоминаниями. Анастасия была подчёркнуто замкнута и сосредоточена. Руслан даже не смог понять, в курсе ли она произошедших недавно событий. Ему так и не удалось вызвать Анастасию на открытость; она сохраняла холодное спокойствие и молчала, ограничиваясь ничего не значащими репликами, принятыми в кругу малознакомых людей. Вероятно, такова была установка её старого приятеля Полуянова. Руслан посмотрел в иллюминатор. За окном раскинулся

белый воздушный ковёр пушистой небесной перины, уходящей куда-то за горизонт. Серое стальное крыло инородным телом висело над этой заоблачной красотой, отсвечивающей в белоснежных и мягких буранах жёлтыми блёстками висевшего над Землёй Солнца. Самолёт парил в небесной лазури над ватным с чудесными и загадочными завиточками полем, которое иногда расходились серой тончайшей дымкой и, просвечивая, открывало темноватую, холодную бездну земли.

Руслан вдруг почувствовал себя вне и над земной жизнью, ему показалось, что стелящиеся внизу облака – это крыло ангела, который несёт тебя далеко-далеко, в торжественную, безмятежную и прекрасную потусторонность, настоящий мир, где ты есть частичка совершенного бытия. А внизу остаётся усталая, тёмная земля, покрытая шрамами, которые неутомимые в своей остервенелой жадности демоны выгрызают в её измученном теле... Руслан спал.

Валенсия встретила морозящим мелким дождём. Выйдя из самолёта и спустившись по рукаву в здание аэропорта, Руслан даже не заметил, как тихо и бесследно исчезла в толпе Анастасия Ковалёва. Он без особой надежды вертел головой, стараясь обнаружить её силуэт среди снующих фигур других пассажиров, но она буквально растворилась в туманном испанском утре. Зато около стойки пограничного контроля Руслан встретил Полуянова.

– Вы всё-таки успели? – удивился Руслан.

– Как видишь, – ответил Полуянов.

– Но как вы здесь? – Руслан хотел узнать, как Полуянову удалось проникнуть в пограничную зону, но тот лишь взглядом обратил внимание на ждущего за стойкой сурового испанского пограничника.

Руслан не сразу заметил сопровождение странных лиц, но Полуянов был более внимателен. Кивком головы он незаметно показал на двух празднично шатающихся мужчин-одиночек, которые уже только своим сосредоточенным взглядом и нарочито непринуждённым видом выдавали интерес к пассажирам рейса Гавана-Валенсия. Белая «тойота» сопровождала такси до дверей гостиницы.

Поселились в отеле «Mediterráneo Florida» и, скинув дорожные сумки на диван, стали ждать.

Разведка полиции Валенсии сработала чётко и оперативно. Было установлено, что в отеле «NH Express Las Artes» в восемьдесят третьем номере живут женщина и её малолетний ребёнок – девочка примерно двух лет. В номере справа жили двое мужчин европейской наружности, в номере слева наблюдалась та же картина – двое молчаливых и угрюмых мужчин средних лет, совершенно не похожих на туристов. Весёлый и болтливый разносчик пиццы в яркой форменной куртке выложил стопку квадратных коробок на столике в холле и обсудил с портье причудливые нравы постояльцев гостиницы, которые сделали такой огромный заказ.

Немного погодя украдкой показал портье полицейское удостоверение и отвёл того в сторону на пару слов. Портье оказался довольно внимательным человеком, он хоть и с секундным сомнением, но признал на фото Карины ту самую женщину – сеньору Грюмо, – которая заезжала в номер со своей малолетней дочкой; и скоро полицейские узнали всё о женщине с ребёнком. Женщина и её дочка редко выходили из своего номера, их постоянно сопровождали четверо мужчин, которые охраняли их и доставляли всё, что было необходимо, в номер.

Через полчаса в дело вступил обыкновенный по виду мусоровоз. Подъехав с чёрного входа к гостинице, он незаметно выгрузил из своего просторного чрева, переоборудованного под салон фургона, полтора десятка человек в чёрной форме и полной экипировке. Спецназовцы быстро забежали в здание и добрались до пятого этажа на грузовом лифте. Кортес находился в здании напротив и в бинокль наблюдал за действиями группы захвата. Стоявший рядом капитан, руководитель операции, координировал действия своих сотрудников по рации.

– Номера восемьдесят два, три и четыре, – говорил капитан. – Восемьдесят два – один мужчина, сейчас он зашёл в ванную. Восемьдесят четыре – один мужчина, лежит в кровати справа от входа, смотрит телевизор, вооружён. Восемьдесят три – четверо, женщина с девочкой на диване, один мужчина в кресле напротив, вооружён, другой мужчина на

кухне, слева от входа, вооружён... Группы «А», «В», «С» доложите о готовности.

– Группа «С» готова! – бодро откликнулся первый голос.

– Группа «А» готова, – подтвердил второй голос.

– Группа «В» готова... – тихо пробурчал третий голос.

– Группа «А» по сигналу «дым», группы «В» и «С» по сигналу «колокол»...

Капитан быстро переключился на другую волну:

– Снайперы доложить о готовности.

Получив подтверждение готовности, капитан на секунду отключил рацию и повернулся к Кортесу.

– Ну, что, начинаем?

Кортес посмотрел на часы: три часа шестнадцать минут.

– Начинаем!

Капитан опять включил рацию и резко, отрывисто командовал. И в следующую секунду окно номера восемьдесят три лопнуло, в нём появилось небольшое отверстие – маленький кусочек стекла вырвала невидимая сила, мужчина в кресле резко дёрнулся и схватился за правую руку. Команда «дым» – и в комнату, выбив двери, ворвалась группа захвата «А». Всё произошло молниеносно. Женщина, прикрывая собой ребёнка, упала на пол, оба охранника были обезврежены – они не успели не то, чтобы оказать сопротивление, но даже правильно оценить произошедшее, в доли секунды оказавшись прижатыми к полу – один в гостиной, а другой на кухне. Мужчины в соседних номерах слышали шум в

восемьдесят третьем номере, но по команде «колокол» в их комнаты почти одновременно ворвался спецназ. Понадобилось не больше нескольких секунд, чтобы и те охранники оказались на полу. Их руки были связаны за спиной, а в головы упёрлись стволы автоматов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.